

Эльвира Частикова

РУССКИЙ РЕБУС

Боровск
Красивый поворот
2011

УДК 882

ББК

84Р7-5

Ч - 25

Публикуется в авторской редакции
Оформление художника Л. Штерн
Ответственный редактор И. Усова
Технический редактор С. Булаенко

Частикова Э.Н.

Русский ребус: Стихи и эссе. – Боровск.: Красивый поворот, 2011.

В книгу обнинской поэтессы, первого Лауреата литературной премии им. М. Цветаевой, члена Союза писателей России, автора пятнадцати книг, вошло более трёхсот новых стихотворений, сформированных по циклам. Серьёзные, завораживающие, откровенные, напевные, рвущиеся, темпераментные, запальчивые, насмешливые, раздумчивые, философские, ироничные, тревожные – все они адресные. Читателю лишь остаётся услышать голос, обращённый именно к нему.

© Э. Частикова, 2011

© Л. Штерн

© «Красивый поворот», 2011

ПОЭЗИЯ – МОЙ СПОСОБ ВЫЖИТЬ

(эссе на тему «Я и литературный процесс»)

По совету Павла Басинского слагаю с себя на время лавровый венок поэта и облачаюсь в обыкновенную шапочку ходока, чтобы поразмышлять в жанре эссе над обозначенной темой. Для меня литературный процесс это –

То книжка Блока, то Ли Бо...
Что может быть верней и ближе?
Поэзия – мой способ выжить,
И длится дольше, чем любовь.

Делая такое заявление, я хочу сказать больше, чем только о себе, ведь поэзия – онтологическая ценность, поэт – хранитель языка, его вершины, благодаря чему живёт и сам народ. Иначе нация деградирует, а затем и будет поглощена другим творчески развивающимся этносом. Следовательно, социум жив стихами. Вопрос – какими?

Можно ли ограничить литературный процесс рамками сегодняшнего дня, если он начался задолго до этого, никогда не прерывался и, полагаю, пребудет вовеки. Все, открытые до нас поэты, по сути, остались навсегда живыми. Правда, каждое поколение делает попытку сбросить предшествующее с парохода современности. В этот момент оно предьявляет как аргумент своё новое творчество. Новое ли? – тоже вопрос. Подпитка-то очевидна. На каждого Маяковского есть «Александр Сергеевич, разрешите представиться...». А если учесть, что в ядре каждой клетки в геномах памяти, как нам известно из биологии, хранится вся информация обо всей жизни на Земле, цепочка никогда не прерывается. По Аристотелю, «весь мир – закономерное целое, проникнутое творческой мыслью». Выходит, по поэзии можно проследить не только эволюцию чувств, но и путь времени. Благодаря имеющемуся многовековому культурному слою возможны сегодняшние обобщения, ассоциации, образы. Но поэзия – не только

традиция, ибо главная задача сочинителя – создать свой мир, отличающийся, магический, особый. «Я – или Бог – или никто!» - провозгласил Лермонтов. Спецификой поэзии является глубоко индивидуальное. Я тоже создаю свой мир:

Кому же звёзды,
Если не мне, всё время
Подмигивают?

Незванным гостем
На бегу отражаюсь
В чужих окошках.

Нос задираешь?!
Опомнись: твой потолок
Служит мне полом!

Осень подлинность
Водяными знаками
Доказывает.

Дождь, кладбище, ж-ж-жуть!
Осторожные ж-ж-жесты...
Не приближ-ж-жайтесь!

Время всё дальше
Золотыми шарами
Заманивает.

К надувной кукле,
Обещающей любовь,
Двигается робот...

Грозится пчела
Со шприцем наготове:
- Кто на уколы?!

Хайку. Хай-ку. Хай...
Приветствие кукушки
Из зарубежья.

Дуб с бурым листком –
Намёком на гитару –
Бредит романсом.

Японцам впору
Трёхмерное пространство,
Отсюда – хайку.

Россия грезит
Четвёртым измерением,
Катрен рождая.

Литературный процесс – это опорные точки имён, в какое бы время мы не заглянули. Всё-то поэтическое пространство взглядом не окинуть! Просто условимся, что оно – объективная реальность, в которой нет места стадности. «Имя – это уже одиночество...» - пишет Карен Джангиров, мастер верлибра, один из современных лидеров этого направления. Дело критиков, а вовсе не моё, исследовать пути поэзии, новаторство, зигзаги, особенности, хотя сейчас и хочется попутно назвать рано покинувшего нас Геннадия Алексеева с его живой, шутливой интонацией, обаятельной фантазией, тонкостью и мудростью; математически точного Вячеслава Куприянова с его безупречными словесными формулами в концентрированных текстах – да многих, вместе с которыми и я попала в толстенную «Антологию современного верлибра» (М, Прометей, 1991). Следовательно, я среди них – не чужая, меня уже не отринут, не вытеснят из литературного процесса, несмотря на то, что данный жанр не есть для меня ведущий, органичный, единственный. Поэтому в антологии русских хайку, сенрю и трёхстиший «Сквозь тишину» (С-П, Красный матрос, 2006), составленной М.Бару, я тоже присутствую с соответствующими произведениями. Ну, а мои рифмованные

стихи вышли под обложкой другой «Антологии современной поэзии» (Калуга, Золотая аллея, 1998). В таких этапных сборниках, где, казалось бы, один за всех и все за одного, голос каждого поэта всё равно звучит соло, удерживаясь на своих полутонах, музыке, свете. Только при этих условиях он может претендовать на собственную нишу в поэзии.

Известный писатель и критик Леонид Костюков однажды сказал, что авторский мир, кроме черт автора, должен обладать родством с божественным миром, поскольку ущербный мир поэта способен завести в художественный тупик, будучи убедительным. На мой взгляд, это очень существенно, особенно сейчас, в период общего раскрепощения искусства. Сочинителю непростительно ослабление и, тем паче, потеря нравственного измерения в процессе творчества. Сегодня никого не удивит библейскими стихами, новыми подходами к вечной теме. Но личное прочтение известных текстов требует этического подхода, ведающего целой шкалой чувств – от добра и зла, совести и правды, вины и стыда, прощения и раскаяния до самооценки и самокритики. Очень важно направление, ориентиры. Скажу стихами:

Божья коровка упругой кровинкой,
Словно во сне по лучу,
В небо крадётся ближайшей тропинкой –
Собственно, полупрозрачной травинкой,
Той, что тебя щекочу.

Видишь, как сходятся все параллели
Милостью чьей-то в пучок.
Ты улыбаешься мне еле-еле
В неге касаний, в пыльце, как в метели,
Юноша, муж, старичок.

И ни конца не мелькает, ни края,
Сколько вокруг ни гляди.
Но направление – штука простая.

Не потому ли букашка святая
Ловко скользит впереди?

Участвуя в литературном процессе, вольно или невольно приходится задумываться о более глубоком, чем новые имена (они, конечно, есть, иначе не бывает. В «НГ ЕХ Libris», 2009, №43, Наталья Иванова сказала, что нет прироста поэтов и тут же обнаружила Сергея Белякова, у которого «глаза горят сквозь бумагу») или профессиональное мастерство (современная поэзия в этом плане уже переросла золото и серебро прошлых веков).

Многое, конечно, можно списать на суфлёра, ведь каждый пишущий имеет с ним дело. Как там, у Игоря Котина (Нева, 2010, №2)?

«И на замок гордыню заперев,
Спешу рукой греховной и убогой
На белый лист перенести напев,
Нечаянно подслушанный у Бога».

Может, ни он, ни другой, ни я вовсе не являемся авторами текстов, которые нам временами надиктовывает некая субстанция? Но если именно я переношу услышанное, то именно я и соучаствую в процессе творчества, как бы остро ни ощущала всей парадоксальности и подвешенности в воздухе своего сочинительства. Да и куда денешься, если это – мой способ поддерживать в себе духовное начало! Кроме того, это и способ личного очищения.

Поэт и журналист из Братска Владимир Монахов в интервью, взятом у меня для журнала «День и ночь» (2008, №3), причислил ныне живущих поэтов, в том числе и меня, к «замкнутой касте современности», которой каким-то чудом удаётся обходиться без читателей или узким кругом. Поэт в России меньше, чем трибун, он всё же тот, кем и должен быть, чтобы говорить душе с душою. Не на стадионах же?! Тем не менее, проблема имеется. Полупустые залы, где выступают сегодня поэты, мало кого радуют. Можно, конечно, утешиться

тем, что и А.Блок в своё время не отказывался представлять со своими стихами перед аудиторией из одного человека. Но с Блоком, слава Богу, уже разобрались и отвели ему достойное место в иерархии мастеров.

Литератор из Перми Юрий Беликов составил и издал коллективный сборник «Приют неизвестных поэтов» (М, Грааль, 2002), выросший из одноимённой рубрики в газете «Трибуна», позднее перекочевавшей в «Труд». «Дикоросы» - таков подзаголовок этой книги, ибо в ней – поэты, что произрастают самосевом, не надеясь на приход садовника и любовь Родины. Дело в том, что поэзия и общество всегда расходятся. Ведь там, где мыслят стандартными понятиями, поэту-одиночке нет места, не было и не будет. Со 104-ой страницы мой друг Валерий Прокошин говорит от имени всех нас:

«Меж столом и вечностью двигаюсь, как слепой:
Можно жить на ощупь, но выжить – только с толпой,
Потому что нельзя быть сразу рабом и царём».

Вот и я продвигаюсь с толпой, имея персональные книги, по стране и миру. То обозначусь во «Всемирном дне поэзии» (Нью-Йорк, Alexandria, 2004); то в журнале «Florida» (2006, №11), выходящем в Америке; то в канадском «Форуме» (2005, №34); то в наших «Дети РА» (2005, №4; 2007, №7-8), «Берегиня» (2010, №4), «Коростель» (2007, №4), «Город гротеска» - Екатеринбург (2004, №1), «День и ночь» - Красноярск (2007, №3-4; 2009, №4); альманахе «Илья» (М., Футурум БМ, 2006).

Я полагаю, без меня литературный процесс уже не будет полным.

- Но где же среди вас современный великий Пушкин? – раздаётся чей-то голос.

Иногда выдвижение в главные поэты производится сговорившимися современниками, но не факт, что века утвердят этот выбор. Канонизация любимых поэтов нужна литературе для самосохранения. Я и сама готова назвать, но не одного, а обоим лучшим, на мой взгляд. Это Александр Кушнер,

Геннадий Русаков, Инна Лиснянская, Инна Кабыш, Светлана Кекова, Александр Кабанов, Ольга Кучкина, Виктор Брюховецкий... Имя поэта способно стать лакмусовой бумажкой: кто любит такого-то, обязательно хороший человек, кто – другого, увы, увы! Впрочем, категоричные заявления опасны, лично мне милее изменчивый мир, то есть, живой, ибо означает, что и я участвую в нём, говоря: «Я и литературный процесс...».

Эльвира Частикова,

ЗАЦЕПКА

Маленькая фея Линдгрэн мне улыбку подарила,
А большая стерва Жизнь отнимать её горазда.
Ничего себе делишки! Прямо – джунгли. Так горилла
У сородича из рук вырывает плод – и баста!

Я стараюсь, что есть мочи не кривить в обиде губы,
То есть, не сдаюсь на волю победителя пока.
Я, в конце концов, считаю: джунгли – это слишком грубо
По сравнению... - взять хотя бы кучевые облака.

Или солнечные клумбы, или пахнущее сено,
Или бархатцы... Не зря же есть такие имена!
Если это не зацепка, я хотела бы мгновенно
Вслед за Пушкиным воскликнуть: «Жизнь, зачем ты мне дана?»

ВОСТОЧНЫЙ ГОРОСКОП

И по-звериному воет людье
и по-людски куролесит зверье...

О. Мандельштам

ГОД ОБЕЗЬЯНЫ

(... 1908, 1920, 1932, 1944, 1956, 1968, 1980, 1992, 2004, 2016,
2028, 2040....)

Господи мой Боже, зеленоглазый мой...

Б.Окуджава

Мы все произошли от обезьяны –
По Дарвину (кто с карими глазами!),
Поэтому зализываем раны,
Совсем, как звери, - сами себе, сами...

И только зализав их, для острастки
Друг другу начинаем строить рожи,
Хотя куда приятней было б – глазки.
Какая эволюция, о Боже?!

Мы гнёмся в три погибели на даче,
А в транспорте висим, как на лиане.
Мы слов не понимаем, а иначе
Настал бы рай без кукиша в кармане.

Наш год – не промежуточная фаза.
Мы – навсегда, мы – жизнь с любого бока.
Лазурно, серо и зеленоглазо
На нас глядят рождённые от Бога.

ПЕТУХ

(..... 1909, 1921, 1933, 1945, 1957, 1969, 1981, 1993, 2005, 2017, 2029, 2041...)

Он победитель в каждой драке.
Он догадался с детских лет:
Мужская дружба – это враки,
И преданных душою нет.

Он стережёт свои границы,
Чтоб не пробился кто-то вдруг,
И одалиски, чаровницы
С ним делят ложе и досуг.

Так и живут единым домом.
Едва проклюнется рассвет,
Он, сон стряхнув, поёт с подъёмом
От чувств и страсти. Как поэт.

Какими красками играют
Его одежды – пурпур, медь...!
Такие рано умирают,
Но память отвергает смерть.

Пусть он пижон, пусть враг покоя,
Пусть он не мучится грехом,
Но в честь него, как в честь героя,
Глядь, кто-то назван петухом!

СОБАКА

(... 1910, 1922, 1934, 1946, 1958, 1970, 1982, 1994, 2006, 2018.
2030, 2042....)

1

Средь холода и мрака
И уличной тщеты
Мне встретилась собака
Редчайшей красоты.

С глазами Калиостро,
То ль ангел, то ли бес.
Я ощутила остро
К ней добрый интерес.

Позволила ей страстно
Метнуться мне на грудь,
И что-то несуразно
Успела ей шепнуть.

Но тут гудок вокзала
Всё перебил и – ой! –
Я мигом осознала,
Что город мне чужой.

Чужие вязы, крыши...,
Лишь голос – мой, навзрыд:
«И писем не напишет,
И вряд ли позвонит».

11

На Сахалине, на Итаке –
Везде! – На Истре и на Ниле
Храните верность в год Собаки,
Как в год Змеи её хранили!

Должно же оставаться что-то
Незыблемым в столь шатком мире!
Пусть врёт прогноз, пусть за нос мода
Нас водит, и темнят в эфире...

Средь круговой поруки стрелок,
Сквозь жизнь летящих вроде чаек, –
Вы докажите, что не мелок
Тот, кто измену исключает.

В Калуге, Риге, Нагасаки –
Повсюду блеск, сиянье елей.
Храните верность в год Собаки!
Ну, чем мы хуже спаниелей?!

СВИНЬЯ (КАБАН)

(... 1911, 1923, 1935, 1947, 1959, 1971, 1983, 1995. 2007, 2019,
20031, 2043,...)

Из всех животных человеку вроде
Всех больше соответствует свинья,
Не брендом адекватным – по природе!
И на лицо похожих знаю я,

Что, собственно, является причиной
Их комплексов. Такие вот дела.
Ну, почему, - хочу я знать, - мужчиной
Достойнее быть в облике орла?!

Перед таким мы обнажаем плечи
Охотнее, спешим сгореть до тла.
Мы любим хищных, злых, клюющих печень,
Оправдываясь, что любовь, де, зла.

Нас не цепляет мягкость, домовитость,
А это явно тупиковый путь –
От человека! Взвизгивает Витас
Своё «а – а...», стараясь намекнуть

На жертвенность свиньи, её ранимость,
Прозрачность альбиносную, на то...
Но почему-то мы проходим мимо,
Себя не узнавая ни за что!

МЫШЬ (КРЫСА)

(... 1912, 1924, 1936, 1948, 1960, 1972, 1984, 1996, 2008, 2020,
2032, 2044....)

На даче, когда непроглядность и тишь,
Как будто всё кончено в мире,
Скребётся в простенке голодная мышь,
Мечтая о корке и сыре.

Да мало ль о чём! Благо, слышит Творец
И сил прибавляет созданию.
Поэтому выход она наконец
Находит, чтоб бегать по зданью.

Вот кресло – на кресло! Вот стол мой – на стол!
Вот длинный диван вдоль окошек...
-Не так уж и чисто, - пищит (мне укол!),
И счастье! – находит семь крошек.

-Пируем, - решает, - пируем, - поёт, -
О, нет, не конец ещё света!
И к ней прибегает мышиный народ,
И весело хрумкает это.

-Да здравствует жизнь! - говорят меж собой,
А я повторяю за ними –
Пока не проклюнется день голубой
И муж не шепнёт моё имя.

БЫК

(... 1913, 1925, 1937, 1949, 1961, 1973, 1985, 1997, 2009, 2021,
2033, 2045,...)

У быка боевая поза,
Деревенский, упрямый норов.
Он рогами пронзает воздух
(Нет в России тореадоров!).

Есть простор для большого дела,
Непечатой мужской работы.
И его могучее тело
Не скрывает своей охоты.

В центре жаждущей и усталой
Малой родины и великой
Он ждёт окрика как сигнала.
И глядит пред собою дико.

Не глазищи – две тёмных бездны,
Кровью налитые живою.
В них он держит пейзаж окрестный
С облаками, водой, травую...

Он его не отдаст без крови
Никому – это сразу ясно.
Так стоит он в селе Петрове
Иль в Перове каком, иль в Красном...

Он глядит на Россию в оба,
И башку его мысли пучат:
-А не лучше ль украсть Европу,
Как моряк обезьянку Чучу?

ТИГР

(... 1914, 1926, 1938, 1950, 1962, 1974, 1986, 1998, 2010, 2022,
2034, 2046...)

1

Ты мягко ступаешь да жёстко живёшь.
Ты всякую мелочь не ставишь ни в грош.
Средь диких просторов, деревьев и трав
Лишь сила и хитрость решают, кто прав.

Не счесть твоих ланей, косуль, антилоп...
Ты веришь себе только, зверь–узколоб!
Но, пьяный от власти, от крови, утех,
Едва ли ты правду найдёшь, как успех.

Ты знаешь, что знаешь, не больше того.
Вкус к риску ведёт тебя и торжество.
Ты – в поле конфликта, ты в гуще борьбы,
Скорее игрок, чем хозяин судьбы.

-Жизнь тем хороша, что в ней есть острота, -
Наверное, так ты ответишь мне, да? –
Мой сон на обрыве – полёта, земли....,
Навеянный вдруг Сальвадором Дали.

II

В год Тигра и оса – немножко тигр...
По масти. Грациозна и опасна.
Не любит резких жестов наших, игр,
Лишь лакомства вкушать у нас согласна.

Пожалуйста! Есть груши, виноград,
Арбуза упоительная алость...
А у неё – на бочку мёда яд,
Чтоб наша жизнь нам раем не казалась.

Смысл именно в пропорции, она
Решает всё, что втиснуто под своды.
А мы из мухи сделаем слона,
Ну, и наоборот, цари природы!

ЗАЯЦ (КРОЛИК, КОТ)

(... 1915, 1927, 1939, 1951, 1963, 1975, 1987, 1999, 2011, 2023,
2035, 2047...)

Мы часто говорим, ласкаясь: - Зайчик, котик...
Пушистые слова щекочут нам язык
И полностью дают забыть о некой квоте,
Чтоб перелить могли всю нежность напрямик.

Пусть это и звучит порою легковесно.
Французы, например, советуют: - Месье,
Полегче чуть бери, тогда и жизнь прелестна!
А мы французов чтим, «шанель» их, монпансье...

Да что там – счастья всем желательно побольше!
И хочет научить нас этому зверьё.

Хоть и шипят коты нередко, как вся Польша,
А кролик лезет в пасть к удаву, ё-моё!

Несправедливость есть, увы. Народ Китая
Втянул в свой бред котов как магов и врагов
(Давным-давно), но мы прощаем, улета
В Египет, где всегда в них видели богов.

Теперь они глядят с браслетов на запястье,
С папирусов, брелков, кулонов на груди...
Без нежности нельзя, она – тропинка к счастью.
Кто движется по ней, нам с ними – по пути!

ДРАКОН

(...1916, 1928, 1940, 1952, 1964, 1976, 1988, 2000, 2012, 2024.
2036, 2048...)

Жизнь облаками пьянит законными,
Сменой комедий и драм.
Я обожаю в ней знаться с драконами,
Гладить по трём головам.

И говорить вдохновенно-торжественно,
Глядя на триумвират:
-Сколько ума! Вы, пожалуй, тождественны
В сумме явлению «Сократ»!

Я не завидую, зависть – губительна,
Вместо неё я прошу
Дельных советов. Драконы чувствительны
К тайнам, что в сердце ношу.

Любвеобильные, в меру спортивные,
Но побеждают всегда!

Жаль, что есть стороны и негативные:
«С них, словно с гуся, - вода».

Но рядом с ними не кажутся серыми
Дни всё равно, всё равно!
Зря кое-кто их считает химерами,
Страхивая с кимоно...

ЗМЕЯ

(... 1917, 1929, 1941, 1953, 1964, 1977, 1989, 2001, 2013, 2025,
2037, 2049...)

Змея – живое украшение
С холодным блеском, как металл,
В ней шарм, в ней магия движения...
Но почему же отторженьё
У тех, кто это наблюдал?
Её глаза, как два топаза
С продольной чёрточкой зрачков.
Но почему же верит разум,
Что этот взгляд недвижим сразу
Парализует новичков?
Она тиха – не то, что птицы.
Не ищет славы, как сверчок.
Её молчанью нет границы...
Но каждый, как и я, боится
Попасться ей на язычок.
Откуда эта нестыковка?
Поймём ли, целое дробя?
То вся в себе она, то ловко
Выходит (ей нужна обновка!)
Из кожи, словно из себя.
Из-за легенд и от навета
Не видно истины уже.
Но выяснить хотя бы это:

Так что же на груди пригрето –
Змея иль чудо Фаберже?

ЛОЩАДЬ

(....!918. 1930, 1942, !954, !966, 1978, 1990, 2002. 2014. 2026,
2038, 2050...)

I

Все ринулись на праздники, как в бой.
И я – не в стороне с вином и снедью.
Я тост провозгласила, щелкнув плетью:
-Приснись же мне в год Лошади ковбой!

По прерии не ходит он пешком,
А пролетает на коне галопом.
Стрельцу (по европейским гороскопам),
Мне мил кентавр, - сказала со смешком.

Когда в единстве всадник и скакун,
Они напоминают этот символ...
И вот настала ночь в двенадцать лун,
И мне приснилось то, что я просила!

И был хорош джинсовый мой ковбой,
А я – юна, кокетлива, без грима,
С охапкою цветов, само собой...
Но он, как вихрь, всё проносился мимо.

И я старалась планку на вершок
Свою поднять и с глаз его снять плёнку...
Ну, что с того, что я не амазонка?!
Ты помоги мне ею стать, дружок!

Но мыслей он не мог прочесть, он слов
Не знал славянских – то есть, абсолютно!
Ему меня не навевал и смутно
Наездник воспевавший Карл Брюллов.

И я решилась! Я его коня
На всём скаку остановила лихо.
И тот взвился, и всадник вдруг меня
Узрел, как пращур мой когда-то – иго.

И, вольный, закричал, чтоб перебить
Мой сон. Но он (в двенадцать лун!) всё длится.
И крик дробится: - Не императрица,
Чтобы простого конюха любить!

II

Милый, с губою калошею,
С думой, в которой печаль,
Вижу, свой воз тянешь лошадию.
Дальше тyani, не серчай!

В мире всё так и устроено:
Любится больше всего
То, на что сила утроена.
Лёгкость-то нам для чего?

Если возможно огромное
Счастье – что ж не испытать?!
Глупо косить под Обломова,
Чтобы всё Штольцу отдать.

И поутру свои волосы
Туго стянув в конский хвост,
Я и себе твёрдым голосом
То же внушаю – до звёзд.

Прыгаю, бегаю, цокаю,
Мысль напрягаю, живот...,
И убеждаюсь: высокое
Рядом с обычным живёт.

-Браво, - поёт мне, - брависсимо, -
С видами Некто на Русь.
Я потому независима,
Что, эгоистка, тружусь.

«Все мы немножечко лошади», -
По утвержденью В.М.,
Что нас напутствует с площади
Главного города М.

ОВЦА (БАРАН)

(...1919, 1931, 1943, 1955, 1967, 1979, 1991, 2003, 2015, 2027,
2039, 2051...)

I

Может быть, мы и овцы, как мнится мужчинам:
Артистичны, капризны, вольны
И склонны к опозданиям по разным причинам.
Но мы мир ставим против войны.

Мы разумны. Не метим на первые роли.
Важно, кем мы ведомы. Де голь
(Каламбурым) хитра ведь на выдумки! Что ли
Не понять нам овечку Ассоль?!

Мы нежны и мечтательны. Только невольно
Обижаем, фортуны лепя.
Если кто недоволен, что мы недовольны,
Пусть критичней глядит на себя.

«На хорошей лужайке, - по мудрости древней, -
И добрей, и послушной овца
Той, другой, что на худшем лугу за деревней
Блеет – жалуется без конца.

II

За пыльной Медынью, за пёстрой Одессой
Гуляет баран со своей баранессой,
Поскольку есть правила и не пристало
Им, гордым баранам, гулять с кем попало.

Гуляет по склонам, приветствует лето,
На шаг отстаёт... как знаток этикета.
И спутнице это приятно, как, впрочем,
Понравилось всякой бы женщине очень.

Гуляет баран со своей баранессой,
Баран Феофан с баранессой Инессой.
И славно! Гуляют, траву теребя,
Всех лучше в округе берут ногу: - Бя – я – я!

ЗАПАДНЫЙ ЗОДИАКАЛЬНЫЙ ГОРОСКОП

Я раба своего гороскопа
И морские люблю города.
Пусть глаголят, что мы – не Европа
И не устрицы – наша еда...

Наталья Аришина

СТРЕЛЕЦ

(23 ноября – 21 декабря)

Под созвездьем Стрельца, когда ночи,
Словно в старости мрачной, длинны,
Появился младенчик, чьи очи
Зелены, зелены, зелены.

Мама нежно шептала: - Листочки...
Хоть повсюду мели декабри.
И пускала беспечная дочка
Пузыри, пузыри, пузыри.

Словно кокон таинственный, кроха,
Но, прорвавшись из небытия,
Каждым всхлипом своим, каждым вздохом:
-Это я! Это я! Это я!

Что ж, девчонки для мира рождались
После долгой и страшной войны,
И меня эти слухи касались,
Потому и глаза зелены.

Средь упрямых надежд жить счастливо –
Это я, это все мы росли...
И склонялись заснеженно ивы
До земли, до земли, до земли.

КОЗЕРОГ

(22 декабря – 20 января)

Реалистка, козерожка,
Мама, мамочка моя
Смотрит вслед мне из окошка
Сквозь порханье воробья.
 Сквозь нахлынувшее небо
 И узор нагих ветвей
 Смотрит зорко, смотрит слепо
 В добродетели своей.
Меж возвращенных в вазах пиний
Место – под обзор как раз.
С голубинкой воздух зимний –
Продолженье цвета глаз.
 Смотрит ангел мой хранитель
 Аж до слезной пелены.
 Что хотите – говорите,
 Мне наветы не страшны!
Ей, блюстителю приличий,
До «клубнички» дела нет.
Смотрит сквозь все взгляды лично
Двадцать, тридцать, сорок лет...
 Смотрит, глаз с меня не сводит -
 Кожей чую!- до сих пор.
 Ей, тревожной, легче вроде,
 Если выставлен дозор.
Смотрит сквозь все дни и ночи
Мама, мамочка моя
На единственную дочь
Сквозь предел небытия.

ВОДОЛЕЙ

(21 января – 19 февраля)

Странник, идущий на свет законный,
Грезит душевным приёмом с «Чаконой»
Баха, беседой за сытным столом...
И громыхает в пакете стеклом.

Он, как положено в жизни приличной,
Должен явиться с шампанским, «Столичной»...
Жаль, без цветов (удивил бы народ!),
Но под снегами ничто не цветёт.

Ветер его обгоняет в аллее –
Тоже туда же, путём Водолея,
Чтоб завиваться спиралью в трубе
И нажимать на покорность судьбе.

С зябкого неба ведётся охрана.
Путник во власти Сатурна, Урана –
Дел и фантазий сплошных, например.
В нём Эдисон, Галилей и Жюль Верн.

Целый набор против скучности серой.
Двигается смертный, спасаемый верой
В то, что он вовремя всё же придёт.
Шаг энергичный и руки врзлёт.

Липы нагими плечами поводят.
Цель уже рядом. Он дёргает вроде
Дверь на себя. Море света, тепла!
- Боже, - шепчу, - как я долго ждала...

РЫБЫ

(20 февраля – 20 марта)

Рыбы, глыбы, ясновидцы –
На мели и в глубине.
Я гляжу на ваши лица,
В профиль вставшие ко мне.

Слюдяные, ледяные
Неподвижные глаза.
Что в них: знания иные
Или – «стоп, читать нельзя»?

То мне кажется, вы – злобны,
То – забавны всей гурьбой.
Но я знаю, вы способны
Даже жертвовать собой.

Переливчаты, изящны...
Ваши тайны – под замком.
Но в любой есть «черный ящик»,
Словно в лайнере каком.

До разгадки – время, сроки.
Округляете вы рты,
То есть – цифры. Ах вы, доки!
Выставляете посты.

И дистанция – навеки,
Утолщенная водой,
Даже если – человеки
Под кольчугой золотой.

ОВЕН

(21 марта – 20 апреля)

Все больше солнца, ибо знак огня
Начертан в небе.
Достаточно мороз держал меня
В хрустальном склепе.

Я не царевна, чтоб полгода спать
Под кружевами
Зимы, ждать поцелуя... А пахать
Кто будет? Амен!

Как пахнет почва, как к себе влечет
Парная, надо ж!
Мне бабочка садится на плечо,
Приняв за ландыш.

Смеюсь. Прохожим мнится, я одна
Ищу сокровищ...
Простите, а какого же Овна
Мне ждать на помощь?!

ТЕЛЕЦ

(21 апреля – 21 мая)

Набычимся и снова будем жить,
Как Ленин завещал, собрат по знаку.
То старые газеты ворошить,
То Тезисы писать, то звать собаку –
Ту самую, что Бунин не купил,
Хотя мечтал перед камином как-то...
На что ещё растрачивать свой пыл
Тельцу: на власть и подтасовку фактов?
Свою державу втянем в детектив,

Сломаем, втиснем в новые форматы,
Конечно, не во имя перспектив,
Напротив – вопреки, назло проклятым!
А дальше – больше: над понятием «Бог» -
Что биться?! Упраздним - и нет вопросов!
Чтобы весь мир лежал у наших ног –
Монументальных глиняных колоссов.

БЛИЗНЕЦЫ

(22 мая – 21 июня)

Знак воздуха, а воздух – свеж, душист,
Промыт дождём из ёмкостей косматых.
Деревья все поставлены на лист,
Положены на музыку пернатых.

А что ж не петь, коль абсолютный слух?!
Я натыкаюсь в дебрях фолиантов
На сведенья, что вносят смысл в досуг:
От сих до сих – срок гениев, талантов.

Нужны примеры? Под рукою – жизнь.
Под знаком Близнецов родился Пушкин.
Как раз к шестому дню и дождались
Изящных анемонов на опушке.

У Александра свежие цветы –
Всегда, не переводятся веками.
А я хочу назвать ещё черты:
Неуловимость, вспылчивость (цунами!).

Я знаю Близнецов! Им всякий раз
Партнёрское плечо важней свободы.
Мой сын и внук имеют общий час
И день рожденья – с разницею в годы.

Раздвоенность их – типа «дубль два»,
А чудо – обязательно в квадрате.
Что нужно им? Над миром торжества?!
О, нет, - любви (моя всё время кстати)!

РАК

(22 июня – 22 июля)

1

Всем чудакам подходит этот знак,
От логики далёким и от быта.
- Вы что, с Луны? – им говорят открыто.
- С Луны, с Луны... и Кафка, и Ремарк!

Их нервная система такова,
Что заглянуть в чужую душу просто
Как экстрасенсам, снять с неё коросту...
Но хочется постичь свою сперва.

Поэтому они чуть в стороне
Живут и раздражают реалистов,
В стихии отражающей и чистой
С таинственной жемчужинкой на дне.

Приятно по воде писать: «Е.Е.» -
Заветный вензель – лилиям навстречу.
Как пальцем ткнуть в звезду противоречий!
Хоть Раки всякий раз – плечо в семье.

Художники, мыслители, цари,
Киношники, ученые, поэты...
Мне кажется, не так уж плохо это
Для чудаков-то, что ни говори!

2

Маленькая пианистка,
Искренние глаза.
Ну же, сыграй мне Листа!
Грига? Я тоже – за!
Спину держи прямее,
Преодолей озноб.
Выскажись, как умеешь, -
Пальчиками взаллеб!
Я разволнуюсь сладко,
Буду твердить «мерси».
Внучка моя, загадка,
Скрытая в ноте «си».

ЛЕВ

(23 июля – 23 августа)

Ну, вот и солнце! Как на юге жарит,
Волнуя, регулируя, слепя...
Владыка, РА, мы все на нашем шаре
Подсолнухами чувствуем себя.

Когда б иначе, уронили шеи,
Померкли, не блистали в кураже...
А так мы – Шоу, Голсуорси, Шелли,
Алябьевы, Сальери, Беранже.

Не где-нибудь, а в центре Зодиака,
Под ярко-красным парусом огня!
Привет от Грина! Он букетик мака
В петлицу вдел (подарок от меня).

Я тоже – знак огня, но это к слову.
Стрельцы тщеславны менее, чем Львы.

Последние на подвиги готовы,
Мир покорять. Наполеон, увы, -

Боль для России. Но на самом деле
Жизнь – не война. И я гляжу в лицо
Картинам светлым Франса Мозереля,
А есть еще Билибин, Васнецов...

ДЕВА

(24 августа – 23 сентября)

В знаке Девы сошлись не много, не мало – все
Подруги мои, возлюбленные, муж мой прежний.
Пусть я меж ними – как случайная рожь в овсе,
Без них – твердь под собой утратила б неизбежно.

Что им в жизни проще всего – это вступить в брак,
А сложнее всего – его сохранить без трещин.
Мелочь для них – не мелочь, а пустяк – не пустяк.
О, сколько раз мне давали понять эти вещи!

Вот ведь какие – учатся до седых волос,
Также учат меня! А я их учу ответно:
-Любовь к порядку, Оля, - это жизнь на износ.
Сражаться с бытом все равно, что с вулканом Этна.

Куда важнее, что помыслы твои чисты,
А педантизм и точность – это уже Меркурий.
Вспомни Льва Толстого, Гете – все те же черты.
Вспомни Цезаря, Грету Гарбо – все те же бури.

Мне тоже есть, кого вспомнить. Глаза округля,
Из гороскопа он выйдет навстречу мне. Я же
Руки раскину... Нас объединяет Земля,
А силы вливает цветная на пальце яшма.

ВЕСЫ

(24 сентября – 23 октября)

Эй, осень, листья вдоль тропы,
А в листьях – вечер!
Период баловней судьбы,
Как Нобель, Тетчер.

Как Фолкнер, Рерих, Ив Монтан,
Как Черный, Белый...
Опал – их камень-талисман
(Из Коктебеля).

Характер лёгок, ум весом,
С талантом - в доле.
Играют чашами весов
«Покой» и «Воля».

Будь Жаров ли, Филипп Луи,
Огинский, Лосев
Венера клонит всех к любви,
А жертв не просит.

Да, выразителей эпох
И сладких песен
Активно жалует сам Бог –
За равновесье!

За то, что не идут под нож,
Плюют на позу...
И «что посеешь, то пожнёшь» -
Их главный козырь.

СКОРПИОН

(24 октября – 22 ноября)

Нет ничего страшнее бунта,
Когда русак - на русака.
Ну, скорпионы – все, как будто!
Кибальчич Н. – наверняка.

Их возбуждает Марс с Плутоном,
А гнев не тушится водой.
Всем недовольны: троном, тоном,
Что старый – тут, там – молодой...

То замкнуты, то брызжут ядом,
А попадают на себя.
Опасно жить с такими рядом,
Они и любят-то, губя.

Всегда готовые к атаке,
Их приручать – напрасный труд.
Все роковые - в этом знаке!
И Достоевский тут как тут.

Давайте-ка листать страницы,
И кто-то встретится как раз.
Взгляд гипнотический и лица...!
Бог, сохрани! Спаси, топаз!

ЛЮДИ «8» ДЕКАБРЯ

(вместо эпилога)

Кто будет сегодня? Я знаю, как в каждом году:
Ворвутся с метелью
Диего Ривера, Бетховен и Мао Цзедун –
К застолью, к смятенью...

- Однако, - мне в левое ушко шепнёт новый муж, -
Кто дал им наводку?
- Да всё гороскоп!... Наши гости налягут на пунш,
На ром и на водку.

Забудут политику напрочь, политика – грязь.
У нас - день рожденья!
- Держитесь поэзии, Мао, - напомним, смеясь, -
В ней - реки, растенья...

И - без церемоний китайских за русским столом,
Коль тут не впервые!
И будет к нам лес, отстранённый узорным стеклом,
Тянуть свои выи.

Под таянье снеди на дом наш накатит волна
Огромного снега.
- У нас есть искусство – спасенье во все времена, -
Заметит Диего.

И мы, как всегда, воспоём в декабре день восьмой,
Привязанность к дате.
- Послушайте, Людвиг, - скажу я, - поспорьте с зимой,
К роялю присядьте!

И все закивают: мол, время подарков, пора.
Сонаты! К «Элизе»!
Жизнь - точно игра, но когда – вот такая игра,
Она - выше жизни!

РУССКИЙ РЕБУС

ТОСКА ПО СОЛНЦУ

Т.П.

Можно пережить осень, радоваться снегопаду,
Предсказанья мороза считать с оконца...
Но невыносимо смиряться три месяца кряду
С серым небом и полным отсутствием солнца.

В это время думается: - ПрОклятая Россия,
Не иначе как пеплом присыпана сверху!
Где же глаза твои – васильки синие-синие?
Где же золотая пыльца с лисьего меха?

Хороши мы и сами, не играющие с цветом, -
Траурная процессия сограждан в чёрном!
Сколько раз нам мозги прочищали балетом!
С «Лебединого озера» станешь покорным.

Вот и не брызжем, как американцы, оптимизмом.
И не гоним хмарь зонтиками, как японцы.
Мы болеем душой, коль нам выдана эта виза
На подъём к Богу, скупящемуся на солнце.

Тревога, тоска... Депрессия – удел утончённых.
Выходит, мы всё же – избранные, не турки.
Держимся на утешеньях, вовремя изречённых.
Россия – страна слова, а не игра в жмурки.

РОДИНЕ ГЕРОЕВ

Как древний мир, как Спарта или Троя,
В любой период – тот или иной –

Ты любишь, моя Родина, героев,
Не бережёшь для жизни основной!

Какие могут заменить награды
Счастливый шёпот знобкою весной?
Но для тебя важней твои парады,
При этом ты молчишь – какой ценой!

Вглядись, взглядишь в растерянные лица
С румянцем детским цвета снегорей...
Эх ты, героев делать мастерица,
И плачущих от горя матерей!

* * *

А мне запрещали с плохими детьми
Дружить в самом возрасте нежном.
ЧТО взрослые видеть умели? Ведь мы
Все были равны и безгрешны.

Нет, я не сдавалась на волю родных,
Спасая друзей от нападков.
Однако виновных моих без вины
Пометили всё-таки адом...

И всех постепенно, как видно сейчас,
Сманила... кривая дорога...
Могу ль я не верить, что любящий глаз
Точнее любого пророка?!

ДРУГАЯ МОСКВА

По Москве пешочком – вверх и вниз,
Ответвляясь влево или вправо...

Слава Богу, кончен коммунизм
И капитализм подорван, слава!

Что не обозначено – сюрприз.
Кто из нас к сюрпризам равнодушен?
Я иду пешочком вверх и вниз
С провожатым, он сегодня нужен.

По Москве давно минувших лет
Я бы и одна прошла, конечно.
Но кафешек тех и улиц нет,
Нет моих ориентиров встречных.

Узнаванья жаркая волна
Не окатывает. Я – не нытик.
Вновь с Москвой знакомлюсь и вольна
Снова полюбить или, простите...

Провожатый, обожатель, гид –
Триедин, и он – москвич со стажем.
Он руками машет, говорит:
-Измененья в самом центре даже!

Не всегда же головы рубить,
Кладбища устраивать на Красной
Площади. Как видишь, может быть
Тут каток с мелодией прекрасной.

-Жалко нет коньков...
-Да выдают!
-А костюмы?
-Просто куртки сбросим...
-Слышишь, тексты Бродского поют
Под куранты?
-Да, другой Иосиф.

РУССКИЙ РЕБУС

Меня по весне в Старый Крым тянет и в Новый Свет.

Я дергаю мужа, вопрос формулируя внятно:

-Поедешь со мною?

А он отвечает: - Да нет...

Наверное, хочет смотаться в Уральск и обратно.

Так «да» или «нет» - разгадать нас пытается швед,

Что мыслит со шведкой своею по-шведски сугубо.

Идут по музею за нами буквально след в след,

Слова понимают, а смысл расплзается глупо.

-На карте – Уральск? Голос предков, архивы, дела?

-Ну да, - муж кивает (как в воду глядела!), - не хочешь

Со мной до медвежьего, как ты считаешь, угла

Добраться, пожить, наблюдая верблюдов воочью?

-Мне это так надо, любимый! Поедешь один...

Меня понимают хотя бы Щедрин, Айвазовский.

Муж взглядом усталым скользит по стихии картин.

-Ничем не поможешь уже, коли я не таковский.

Мы смотрим на шведов. Здесь непостижимость и бред

Для них, но они улыбаются, всё честь по чести.

-Давай, - говорю, - расшифруем им наше «да нет»

В обмен на их шведский рецепт «просто счастливы вместе»!

ПО ПРАВУ КРОВИ

Наследственность и нас, паскуда, подвела:
Одно питье, битье, монголы и Советы.

Г.Русаков

Правда, присматриваясь к иному народу,
Полезно сначала вникнуть в свою природу.
Откуда в нас злость (двор – на двор, брат – на брата),
Что свой своего ненавидит заклато?

А ведь подобного не предъявить евреям,
К примеру. Они сплоченнее нас, мудрее.
Не добивают слабого – выручают.
Не завидуют – в лучшем души не чают.

И это - удар под дых нам! По праву крови
Я говорю так. И мы достойны Любви
За простоту, душевность, талант, смекалку...
Больно дикостью их перечеркивать, жалко.

ЛИФТ

Лифт вышел из себя, мне выйти не позволив
Из данной тесноты и тёмного нутра.
Я вслух произнесла: - Чтоб век не видеть воли
Вам, техники лифтов, от Клима до Петра!

Потом примерно час молчала я примерно,
Пытаясь кое-как фиксировать процесс...
Ни щели, чтоб дышать! Я медленно и верно
Осваивала мысль, что в жизни нет чудес.

А между этажом шестым и, значит, пятым –
Ни грохота ключей, ни шарканья подошв...

Чтоб мне обзавестись спасителем и братом,
Я крикнула: - Хочу на улицу, под дождь!

И выплеснула вслед про зло России – пьянство,
Бездушные властей, терпенье бедолаг...
И – чудо!- обрела вдруг время и пространство,
И даже кислород в раскрывшихся дверях.

НАОТМАШЬ

Ветвь – наотмашь, жизнь – наотмашь,
Снег... Опять зима.
Сдачи дать? Ответить?! То-то ж!
Я могу сама
ЗадираТЬ, мутить и гробить,
Улюлюкать вслед.
Даже Родину в сугробе
Прятать (глядь – и нет).
Только – чистая страница,
Где немудрено
Тёплым странам, новым лицам
Воплощаться. Но
Болью быть для нас сердечной
Ей не запретишь!
Злое небо пылью млечной
Опадает с крыш.

Я ВАМ СКАЖУ...

Я вам скажу, что ничего нет гаже
Хождения по придуманным конторам
Со справками, где оформляют даже
Наследство. Вот, к примеру, дом, в котором

Еще живешь, не думая о смерти,
Прилаживаешь зеркало, картину,
Стираешь, кофе пьешь, включаешь Верди,
Возможно отписать и ждать кончину.
Нет, то есть все как будто бы, как надо.
И ты – не бомж, но – Фауст по бумагам.
И ловишь ноту некого разлада.
Дрожит белье капитулянтским флагом.
Какой покой?! Внутри тебя – качели
(Не странно ль – из-за гербовой печати!).
Кружит листва, как девы Боттичелли,
Готовя бестелесные объятия.
Я вам скажу, что ничего нет хуже
Чиновничьего истребления чуда.
Мир в позе ожидания, и стужа
Не от зимы, ей-богу, а оттуда...

СТРАДАЛОВКА

По ту сторону реченьки, что Страдаловкой названа,
Все счастливо влюбляются и красиво живут.
А по эту – пьют горькую, не становятся пазлами,
Если любят-ся-женятся... Да и берег тут крут.

Видя столь очевидное, те и те – нарушители
Золотого сечения по теченью реки.
И плывут в место райское ад узнавшие жители,
А навстречу везучие – за буйки, за буйки!

Всем с судьбой спорить хочется, даже если хохочется.
Мол, страданьем очиститься нам велел и Творец.
И местами меняются, и пороком порочатся,
Сыром в масле катаются, да идут под венец.

И породу удачную искривляют дебельностью,
И напротив стараются... Но всему вопреки
Берег счастья по-прежнему поражает стабильностью,
Берег горя всё горбится. Гнут своё мастаки.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КРОВАТИ

- В Европе кровать занимает ползала,
В России кровать – это та же скамья, -
По-русски, то бишь – непонятно, сказала
Бельгийцу про наши отличия я.

Как странно! Не правда ли? Мы - лежебоки,
Известные в мире. По тридцать лет власть
Добрынюшки наши, исконные боги,
Сны смотрят и смотрят, чтоб после взять власть.

Казалось бы, ложе – первейшее дело,
Когда просит отдыха тело. Ан, нет,
Душой занят русич.

Глядит обалдело
Разумный бельгиец. Пролейте, мол, свет.

- Да мы проливаем (и трезво, и пьяно),
Бьем и выметаем, не в силах беречь.
За это караем себя постоянно
Спартанской кроватью,- толкнула я речь.

А вы – целый день на серьезной работе,
До полночи – в клубе... Большая кровать,
Что ждет вас, наверное, льстит вашей плоти.
На ней как-то дико калачиком спать.

Зато можно руки раскинуть просторно
И гордо лететь, как орел в вышине.

А, выпавшись, мыслить масштабно, упорно
И важно ... в игрушечной вашей стране.

ТЕРРОР

Израиль. Теплынь. Террор...
И.Лиснянская

Израиль. Теплынь. Террор.
Россия. Террор. Морозно.
Бен Ладен на всех в упор
С экрана глядит серьезно.

Он чувствует, что мы – ничьи
От самодовольных Штатов
До рваных полей Чечни.
Мычащий отряд приматов.

Нас может швырять тротил
Коварною волей зверя
В 666 сил,
Что мир подчинить намерен.

Пустить под чертополох
И по небесам размазать!
На помощь не выйдет Бог,
Как не выходил ни разу.

Пульсирует болью век –
Нитеобразен, неровен.
Промерзший российский снег
И красен, и теплокровен...

СТАРЫЕ НОВОСТИ

Что – новости?! Старо всё это:
Хоронят вновь авторитета,
С венками тащат в телевизор
Братки и girl – бедная Лиза...
В столице – траур, старина.
У нас бандитская страна.

Хотя раскованно и страстно
Поют скворцы, и всяко разно
Весна подхлестывает воздух,
Щекочет сердце мне... А возле –
Всё то ж: вор, нищий, монумент,
Законник-беззаконник мент.

И надо каждого бояться,
Пока идёт апроприация.
Ты видишь, как крива дорога?
Вот пенье птиц у нас – от Бога!
Ты слышишь? Вьюррр, фьюить-фьюить...
Перевожу, выходит – жить.

ИЗ ВИРТУАЛЬНОГО

Пока в окне играют лунным мячиком
Деревья, чтоб не вымерзнуть в саду,
Я переписку с виртуальным мальчиком,
Припав к экрану светлому, веду.
Я представляю, ибо мне так хочется,
Его глаза с тоскою по весне,
Негромкий голос и простое отчество,
Ненужное в приветившей стране.
Сияет ночь кристальными сугробами.
Потрескивает что-то в тишине.

Я адресата своего особыми
Чертами наделяю – жалко ль мне!
Мы лишь конкретность ощущаем милою
И в сердце ей отводим уголок.
Период полнолуния тайной силою
И слово заряжает, и намек.
Кириллицу нетерпеливым пальчиком
Переправляю через океан.
Так что же это – с виртуальным мальчиком
Реальный зарождается роман?
Ну да, ну да, мы – родина Тургенева,
Толстого, Гончарова... С детских лет
Серьезная прививка русских гениев
От легких чувств дает иммунитет.

БЛАГОДАРНОСТЬ

С правителями худо на Руси,
Однако есть, кому сказать «мерси»:
Хрущёву – за пятиэтажный рай,
Необходимый просто до зарезу!
И Горбачёву – за период трезвый
Сограждан, зло кричащих: - Наливай!

СТАБИЛЬНОСТЬ

Бабочки-однодневки – наши законы.
Чай, не Америка, где их создают на века!
Мы сезонны, деревья меняют кроны...
А стабильность? Да есть и у нас иконы:
Буквально на вес золота – пушкинская строка!

ИМЕНА И ВРЕМЕНА

ПО-ХРИСТИАНСКИ

Ну, а в конце: «Нет, мир ...» - сказал поэт Данзасу,
Предотвратив ещё одну дуэль и месть,
Но главное – включив прощение в эту фразу
Дантесу (христиан суть в том как раз и есть).

Нет, набожность – не то, а вот не падать духом,
Лицом к небытию не потерять лица!
Сквозь исповедь пройдя, поймать последним слухом:
«И я б себе желал такого же конца».

Приходится всему у Пушкина учиться:
Стихийно жить, хотя всегда держать ответ...
А выпадет пора навек сомкнуть ресницы –
Простить врагов, чтоб зло не заслоняло свет.

ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО

Ни фильма, ни спектакля не поставили
В моей стране о Пушкине, о Сталине –
Глубокого, о жизненном пути...
Хотя страшней и ярче не найти!

Простите, Александр, что две полярности
Я ставлю рядом. Но по популярности
Соперничает с гением тиран,
Как истина, примерно, и обман.

Нашлись бы и актёры, и возможности,
Но разделяет поле осторожности.
И проще ведь следить за рядовым!
Как за собой, подглядывать за ним...

Разгадка зла, загадка гениальности...
Он неподъёмен, этот груз астральности.
Простите, гений! Проклят будь, тиран!
Не выдержит ни сердце, ни экран...

О ПЕРЕВОДЧИКАХ

Наш Александр Сергеевич на Западе
Достойных не имеет переводчиков.
Там прелесть исчезает из подстрочников,
И «лукоморье» уступает «заводи».

Европой принят он через Набокова,
«Евгения Онегина» Чайковского.
Ну, вот и всё. Жаль, больше нет такового,
Кто б равным был по дару. Богу – Богово!

ПОСВЯЩЕНИЕ ЧАЙКОВСКОМУ

В колготках белых вдоль дороги ... эти
Берёзы исполняют на рассвете
Любимый танец свой, словно в балете,
Для мимо проносящихся авто
И для меня – в одном из них. А что?!
Я обожаю дух былых столетий.

Подпитываюсь им. Глазами пруд
Иль озера мерцающее блюдо
Ищу. Как птицы искренне поют!
Ну, здравствуйте же, Пётр Ильич! Вы – всюду.

В открытых окнах. В зеркальце наружном
Я вижу, как, раскинувшись в радушном

Крылатом жесте, ель спешит. Неужто –
Тот самый, чёрный, лебедь, как у Вас?
Но мы ведь сами жаждем – ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС! –
Отравных чар. Иначе просто душно.

Мятежных чувств вздымается волна
И музыкаю плещет в нас – не возле!
Ах, Пётр Ильич, жизнь, может быть, дана,
Чтобы делить её на «до» и «после».

ПАМЯТИ Н.В ГОГОЛЯ

Между домов, у парковки
«Нивы», «Оки», «Лады-шесть» -
Ба! Снеговик без морковки.
Дюже хотел, видно, есть.

Но не достать до рябины,
С липы не снять зёрен-беж.
Нос – ерунда, коль невинны
Глазки, да рот явно свеж.

Строят любители горы.
Целится в пах острослов.
А без носов и майоры
Ходят, как тот Ковалёв!

ПАМЯТИ Д. ХАРМСА

1. ЧЕТВЕРОНОГАЯ ВОРОНА

Вдоль опустелого перрона
Под черным дедовским зонтом

Гуляет белая ворона,
Четвероногая притом.

Она печально клювом водит,
Заметно замедляя шаг.
Кот Бегемот ее, выходит,-
Не встретил. Пень на двух ногах!

Она мнет адрес в лишних пальцах
И не решается сама
Осваивать сей город Гальцев,
Непривлекательный весьма.

Она глядится в лужу, то есть
Читает, как ей не фартит.
Но тут влетает шумный поезд,
Мол, восвояси кто хотит?

И белоснежная ворона
Летит во всей своей красе
На крышу, повторяя: - Вона,
Приеду чёрная, как все!

2. ИЗВЕЧНЫЙ НАШ СДЫГР-АППР

Вот квартира с самогоном.
Прибежав сюда вприпрыжку,
Восседаю, эх, бароном –
СДЫГР АППР! – нажив отрыжку.

Наливаю zenки ядом,
Заедаю тюлькой медной.
Наслаждаться мазо-садом –
Не духовной пищей бледной!

Бьется скользкая посуда,
Бьются морды, бьются бабы...
Происходит смена люда.
-Сдыгр аппр,- болтаем как бы.

Здесь живу я полнокровно
(Да-с, кровища так и хлещет).
Пусть живут евреи ровно,
Покупая власть и вещи!

Мы – другие, рады вмазать
Куму, другу, свату, брату...
Мазо-сады, садо-мазы,
И такие ж мы – солдаты.

Знайте, Тель-Авив и Киев,
Остров Кипр и остров Капри,
Я горжусь, что мы такие, -
До икоты. Сдыгр аппр...и!

XX ВЕК. МУЗЕЙ АТЕИЗМА

В Казанский собор, не крестясь, заглянул новый век.
Алтарь переделал, святыни задвинул подальше.
К столу тайной Вечеря столько ж своих человек
Призвал, посадил, как Христос. Только Ленин – у чаши.

По левую руку его, - ба! – Никита Хрущёв.
Над их головами – лишь небо да ангелов стая
(Верней, космонавтов в сей роли. Блестящих ещё,
Мы скоро их всех позабудем, эпоху листая).

Топтаться на месте нам некогда. Дальше, вперёд! –
К мечте обозначенной... Но где-то в дебрях подвалов

Найдутся Саровского мощи, и к ним припадёт
Такое количество жаждущих! Жизнь предсказала,

Что век атеизма не вечен. А вечен ли хам?
На фреске Ильич ухмыльнётся болезненно-криво,
Почуяв, что невоплотим тут безверия храм.
И сами мы, Господи, духом намоленным живы...

ПАМЯТИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Июнь. Он горазд изменять подло лету,
Остаться с весной или втрескаться в осень,
Дожди натянуть, как веревки, и бреду
Дать полную волю. Он - тот ещё Осип!

Кричать "где же солнце" - всегда бесполезно,
А тут и подавно. От горя чернея,
Оно всё осклизнет. Куда - неизвестно
Его унесут на носилках борея.

По лужам, по серым своим беспределам,
Как по бессезонью придется метаться,
Бубня то и дело, дано, мол, мне тело,
И что мне с ним делать, что делать с ним, братцы?

Наткнуться на древо - попасть прямо в лапы
Целующего откровенно Иуды.
И вот она, ночь, что включает не лампы,
А шестиконечные звезды повсюду.

ЖАРКИМ ДНЁМ

Жарким днём из Коктебеля до Курортного
Чёрным морем, восхитительно живым,
Я плыла и не боялась моря Мёртвого,
Потому что не пугал меня им Крым.

На пути встречались бухточки уютные.
Там был отдых, обжигающий песок.
Я искала переливчатые, мутные
Халцедоны, заряжаясь на бросок.

Карадагскими пропитанная тайнами,
Вновь плыла я и качала горизонт.
Но казалось, что не я – сама Цветаева
Вспоминает и никак не вспомнит год...

* * *

«... Так край меня не уберёт
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей – поперёк!
Родимого пятна не сыщет!»

Марина Цветаева

Анастасия Ивановна Цветаева
Свечкой восковой поспешно истаяла,
И за день до смерти почувствовала «пора».
В иное измерение дверь увидела,
В проёме которой ждала убедительно –
На целых полвека младше! – старшая сестра.

У Спасителя наконец отмоленная
(Грехи её тяжкие, последний – тем более!).
Ей, зажавшей пророческое своё стило

В троеперстии, молитвенном вроде бы,
Повезло с сестрой, да не повезло с Родиной,
Как последней с Поэтом Цветаевой повезло!

Р У Б Ц О В

В этом мире фарцовом,
Где все делят пирог,
Быть Николаем Рубцовым,
Сиротой – не дай Бог!

Только стужа и ветер,
Папироска и дым...
Никого-то на свете,
Кто дрожал бы над ним!

С пеплом крошатся лихо
Звёзды, сыплются под...
Где-то – в мужество выход,
Где-то – в творчество вход.

Всюду хлопают двери.
Он – Поэт, но изгой...
Нет лекарств от потери,
Лишь уход есть ... в запой.

Время – не помолиться,
Приподняв к тёмке бровь!
Кровожадной волчицей
Настигает любовь.

И сжимает всё туже
Горло – не продохнуть!
Достоевщина! Ужас!
И в бессмертие путь.

ВЫСОЦКИЙ

1.

Сквозь шум дождя, сквозь горький быт,
Сквозь всё – и даль, и близь –
Поёт Высоцкий, и хрипит
Его земная жизнь.

Сквозь шум дорог, сквозь шум берёз,
Сквозь вечный шум и гам –
Он, надрываясь, шлёт нам «SOS»,
И мир трещит по швам.

Гитара – на разрыв и вдрызг!
Агония? Экстаз?
Сквозь миокард, мильоны брызг
Из неутешных глаз...

Поёт Высоцкий, что отпет
Однажды навсегда,
Сам за себя. И зря вослед
Рвёт голос Джигурда.

Мы знаем, КАК ЭТО всерьёз,
Лжедмитрии Руси!
Сквозь звон в ушах, сквозь шум берёз,
Сквозь «Господи спаси»...

2.

А что вы хотите в пору повального рэпа –
Выловить где-то на вырубках междуречья
Голос Высоцкого? Чтоб обжигающе-крепко
Неумолимое время встряхнул за плечи!

Ладно бы просто спешило, оно же несётся
Прямолинейно к пропасти, алчущей бездне...
Так его взнудывать и заклинать, как Высоцкий,
Некому больше – лишь прежней загнанной песне!

Жизнью оплаченной – яростной и вдохновенной,
Неделимой уже на реальность и роли.
«Чуть по-мед-лен-не-е!» - до дрожи самой Вселенной.
«Чуть по-мед-лен-не-е!» - до человеческой боли.

ПОЧЕМУ

Почему простого человека
На общенье с гениями тянет?
Шли бы себе разными путями!
Шли бы, только – стоп! – библиотека.

Он берёт том Лермонтова или
Фолиант подарочный Тагора...
Прямо как Иосиф Джугашвили
Разжигает тему разговора.

Видимо, о жизни и о смерти,
Невзначай стирающей границы.
Как ещё за вечность зацепиться
И отметить на этом свете?!

До озноба страшно, интересно,
Словно пробиваться сквозь запреты.
Гениям откуда-то известны
Все замысловатые ответы.

Ну, а для простого тут – загадка.
Он спешит по клеточкам кроссворда
И цитирует кого-то гордо,
Иногда захлёбываясь сладко.

Он с огнём играет, как синица,
Море подпалившая босое.
Он – соринка, как он золотится,
С глаз веков смываемый слезою!

КОСМОНАВТАМ

(акrostих)

Какие все отважные, красивые,
Огнями космодромов опалённые!
Серьёзные – с глазами светло-синими,
Мятежные – с оливково-зелёными,

И прочими... В России – многоцветие,
Чего не скажешь про Вьетнам, Нигерию...
Есть и у нас монгольское наследие:
С тьмой ночи – очи, искорки неверия.

Конечно, по глазам читать в век яндекса –
Архаика. Но все сыны небесные
(Я так – про космонавтов) – не от Януса:
Эпоху выражают взглядом, честные.

Поэтому их светлыми да карими
Охота восхищаться. Всеми вёснами
Хвалю сначала Юрия Гагарина,
А после остальных, пропахших звёздами.

ИМЯ - МЕТА

ФЛАМЕНКО

Не странно ли, что имени подходит
Какой-то танец? Моему – фламенко:
По сути, по судьбе и по породе,
Как будто я - какая иноземка.

А мне дано славянкой быть по крови,
Знать, что один мой родич деревенский,
Но через имя притянуться к нови,
Которую описывал Флоренский.

И вот я ощущаю в себе нечто,
Чего понять не в силах даже мама.
Мои на звуки вздрагивают плечи,
Моя на вдохе вызревает драма.

Была бы я Татьяна или Люба,
Была бы ... Но я есть, и нет вопроса.
И потому мои пунцовы губы,
Как на плечо приколотая роза.

Эльвира – все вибрируют оборки
На платье обжигающего цвета.
Мужчина смотрит яростно и зорко
Мне в сердце, точно требует ответа.

Мы вместе балансируем по краю,
И музыка венчает наши жесты.
У танца ведь прописка мировая,
Шаг на Восток, на Запад ... и в блаженство!

ПАНИ МОНИКА

Зое Трубиной

В детстве мне казалось, пани Моника –
Умница такая, понимоника!
И хотелось тоже быть не глупенькой
В новенькой матросочке голубенькой.

Потому я и крутилась около
Взрослых, не считая себя лишнею.
Слушала. Закальвала локоны
И губу прикусывала нижнюю.

Между тем, я постигала хронику
Времени безбрежного, тягучего,
Быстро забывая «понимонику»
Ради неразгаданного, лучшего...

Близкие рассеялись. Поклонники,
Как родные, называли деточкой.
Вот такой зигзаг от пани Моника.
Жизнь моя дрожала каждой веточкой...

ВРЕМЯ СЕРИАЛОВ

Когда пузырятся под ливнем кварталы,
А окна листвою промокают слезу,
Я лето продляю: из ягоды алой
Варенье варю в золотистом тазу.

И, пенку снимая, пишу сериалы,
Где текст героини озвучить спешу:
- Я глупая, глупая, Вас обожала,
Но я поумнела, и я ухожу.

И мысленно имя, как перья павлина,
К себе примеряю на этой волне.
Эстер? Розалинда? Лючия? Мальвина?
Хотя и Эльвира подходит вполне.

А что же герой, сокрушенный Альберто?
Иль как его там, чья вздымается грудь...
Он Господа молит о чем-то усердно,
Он знает, иначе ее не вернуть.

Меня, то есть, - ту, что уходит все дальше
По линии вымысла или беды.
Он мается, он все теряет, и даже –
И даже последние эти следы!

И в мутной погоне подолгу, надсадно
О ней говорит с кем попало – до мук.
Уж я и сама за него троекратно
Прошу героиню как автор и друг.

Но, ложечкой пробуя прелесть лесную,
То ль я, то ль она отвечает сквозь дрожь:
«Куда же мне, если не в жизнь запасную,
Сбежать от своей, беспощадной, как нож?»

ЛЮБОВЬ

Любе Пермяковой

Любовь – в крови твоей. С болезнью
Такой ты жить обречена.
Но, говорят, всего полезней
Для блеска наших глаз она.

Для вдохновения, азарта,
Для вкуса к переливам дня...
Да и зачем стремиться в завтра
Нам без горячего, огня?!

Другое дело – напряженье,
Всегда – под током... Каково
Тебе не спутать искушенья
Со знаком Бога самого?!

Моя подруга, одноклассница,
Твой голос твёрд, а смех искрит.
Но неуверенная нотка
Чуть-чуть мне больше говорит.

Легко ли каждому быть любой,
И имя-символ выносить...
И ты облизываешь губы,
Чтоб как-то пламень погасить.

ДВА ИМЕНИ

Рае Макаровой

Два кратких имени – Рая и Ада,
Два женских облика, полных контраста.
Рая – цветение майского сада.
Ада – и пекло в лицо дышит красно.

Словно по шаткому телу каната,
Ходят земные мужчины меж вами.
Им золотой середины не надо:
В кущи – так в кущи, а в пламя – так в пламя!

Ада и Рая, как минусу с плюсом,
Вам приближаться друг к другу опасно.
И каково только жить с этим грузом?
Ведь имена не даются напрасно!

ГЕОГРАФИЯ ИМЕНИ

Из Владимира Владимир, из Иванова Иван,
Ярослав из Ярославля дружно сели на диван.
Обошлись тремя словами, а, быть может, и без слов,
И на поезде помчались то ли в Курск, то ли в Тамбов.

По долинам и по взгорьям, по пустыням и лесам...
Ели-пили мед и пиво, что стекало по усам,
Как в народных русских сказках – абсолютно мимо рта.
Но никто не огорчался, за окном-то лепота!

Каждый втягивал зрачками сей простоволосый мир
И менять не собирался на купейный душный пир.
Умный, он ведь совмещает, к многогранности стремясь.
В некоем пункте поезд лязгнул, содрогнулся, двери – хрясь!

И в купе Она явилась, нет, вступила, то есть, нет...
Во Владимире мгновенно обозначился поэт,
А в Иване – живописец, в Ярославле – драматург.
- Катя,- ласково пропела, - город Екатеринбург.

И неважно стало, что там, за бликующим окном.
Сразу три скрестились шпаги в состязании одном.
А лукавый взгляд касался трех ускоренных сердец,
Вечным смыслом наполняя путь в Тамбов или Елец.

25 ЯНВАРЯ

(акrostих)

Тихий снег с небес струится манной.
Ах, сегодня поздравлять с Татьяной,
То есть, с днём студентов всех родов.
Б – мягкий знак есть послабление сессий,
Явно измотавших. Даже в прессе
На виду – каникулы. Готов
Ангелом порхать, кто – без «хвостов».

СВЕТЛАНА

С.Семичастновой

Какое красивое имя – Светлана!
И женщина носит из нашего клана
Его то с подъёмом, то с тихой печалью,
Значения не придавая звучанью.

И я, обращаясь к ней коротко: - Света!
(Ведь имя – не просто реальность, а мета), -
Себя ощущаю просителем, что ли,
Прозрачного дня, как иной – хлеба, соли...

Взаимообразно или безвозмездно?
Ах, боже мой, мне и самой интересно!
Что – эквивалентно течению света:
Душевность, плечо? Или вместе всё это?

Даю ли я столько же, сколько и взято?
Сейчас невозможно понять, лишь когда-то...
И страшно мне, младшей, остаться с долгами.
Нельзя ль погасить хоть частично стихами?

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЖЕНЩИНЫ

ПРОТИВ ПРЕЛЕСТИ ЗЕЛЕННОЙ

Ничего нет в жизни проще
Быть красивой – молодой.
Так берёзовая роща
Ослепляет чистотою.

В возрасте – совсем иначе.
Только лето канет в Лету,
Покидают люди дачи,
Некуда спешить сюжету.

Опускаются вдруг руки,
Обтекают, словно ивы.
Нет теперь трудней задачи –
Быть по-взрослому красивой.

Научить хотят рябины.
Вишни, лиственницы, клены...
Эти охры и кармины
Против прелести зелёной!

Ну же, вызревшие плоти,
Ну же, царственные позы!
Всюду рамы в позолоте,
Лисий мех, янтарь и розы.

Чтоб во всё это вписаться,
Смыслу не противореча,
Нужно в жизни состояться,
Голову держать и плечи.

И тяжелые ресницы
На кого-то поднимая,

Выбить из-под ног девицы
Почву с первоцветом мая.

РАЗНИЦА

Мужчина говорит, уверенный в душе:
- Никто другой, как я, тебя любить не сможет.
А женщина ему, не сомневаясь тоже:
- Другого, как тебя, не полюблю уже.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЖЕНЩИНЫ

До Рождества Христова –
Тысячелетия вспять –
Богом всего живого
Гея была. Благодать!
Женщина, словно почка,
Знает бессмертья рецепт:
Мать и дитя – цепочка,
Выпуск на свет листочка
С памяткую об отце.

Таяли дни пломбиром.
Ночи сгорали дотла.
За плодовитость мира
Гея спокойна была.
Но, ущемлённый культом
Женщины, гордый мужик
Взвыл: - Владеющий пультом
Перегибает multum*
И заведёт нас в тупик.

И, пробираясь к власти,
 Свой предложил вариант
 Мирустройства и счастья.
 Был у него талант.
 Женщину к злу причислив,
 Дабы всё перечеркнуть,
 Ловко направил мысли
 Тех, кто ещё не скисли,
 В строго фаллический путь.

Суть – мужское начало,
 Повиновенье и страх.
 Чтоб за грех отвечала
 Эта, с соблазном в очах!
 Даже к её убранству
 Липло теперь: - Наказать!
 Мир готов к христианству, -
 Оставалось сказать.

*Multum (лат.) - много

* * *

Когда я снюсь Вам – Бог весть почему,
 Когда я снюсь еще кому-то, где-то –
 Податливой, земной, полураздетой –
 Я просыпаюсь и гляжу во тьму.

Живой протест меня лишает сна,
 Позиция «Я не из Вашей ночи»!
 Я слышу – нацарапывает строчки
 Ветвь на поверхность внешнюю окна.

Мне боязно пророчество прочесть.
 Но я надеюсь с первым перламутром

Исчезнет всё, засвеченное утром,
Чтоб я вникала только в то, что есть.

В незнание, как в «до жизни» - явный плюс.
Не троньте телефон, уймите слово!
Иначе, услышав, что снилась снова,
Я в зеркале, назло Вам, утоплюсь!

* * *

Под горку, где мерцала прогретая река,
Трюмо с душой зеркала несли два мужика.

А люди, птицы, кроны с рябиновым огнём
Опасно и наклонно раскачивались в нём.

И было искушение сильнее, чем табу:
В глубинах отраженья прочесть свою судьбу.

Одни шептали: - Боже! Другие: - Ну, а вдруг...?
- Несите осторожно! – молили все вокруг.

А я вместо участия зло жалила толпу:
- Да мужикам за счастье – нам расколоть судьбу!

ВЕЗЕНЬЕ

Маргарите Хмельницкой

Кто-то когда-то любил нас... И любит
Кто-то сегодня. Играет на лютне

Дождь-музыкант в нашу честь – не иначе.
А если повод находится, плачет.

Жизнь продолжается, вот в чём везенье.
Сколько в ней красок, как в роще осенней!
Есть и на что посмотреть, и любить...
Даже с кого идеалы лепить!

Есть – и не счесть! Вот мы и отсекаем
Лишнее, словно бесформенный камень
Видим Давидом или Аполлоном.
Не запретишь ведь нам, пигмалионам!

* * *

Что мы знаем о нем, будь он финн, египтянин,
Славянин, итальянец, татарин, ингуш?
Разве то, что мужчину таинственно тянет
В некий угол медвежий, в дремучесть и глушь.

Где не нужен ни галстук ему, ни штиблеты
С наворотами модными. Голой ступней
Погружаться куда как приятнее в лето
И живому всему быть соседом, родней.

Ну, а женщинам, холящим ноги и лица,
Уважающим рауты, как объяснишь
Прополощенный дочиста воздух провинций,
Если счастье их носит название «Париж»?

Им сегодня суфлирует искренний Чехов,
Чтоб они повторяли: «В Москву!» - вознося
Руки ломкие. И троекратное эхо
Уточняет, что жить вне столицы нельзя.

Это просто лекарство от скупости, боли,
Одичанья, тоски... Не откажешь никак!
Что – простор одному, то другому – неволя.
Почему лишь принцессу желает босяк?

Почему друг на друга глядят они странно,
Растянув на столетия тягостный миг?
Объясненье хранится у Ганс-Христиана...
Жизнь понять вообще невозможно без книг.

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Семейные фото в старинном альбоме,
Где явно друг с другом все связаны, кроме
Меня, также – мамы и маминой мамы,
Слегка отходящих от общей программы.

Не ждущих в заветном окошечке птички,
Способной поджечь море разом, без спички.
Но нам не до вспышки, мы ищем иное
За рамкой, повыше, в неведомом слое.

Причем, не сговариваясь меж собою,
В периоды разные, с разной судьбою...
Однако на снимках мечтательным взглядом
От тех отличаемся, вышедших рядом.

Что значит, от мамы идущее к дочке,
Уменьше от заданной позы и точки,
И прочих условностей вдруг отклониться –
И не ощутить пресловутой границы!

Да нет ее, нет! Гнется небо дугою.
Одно поколение сменяет другое...

Но не иссякает, живет в нем и длится,
Мечтательность, тщетно скрываясь в ресницах.

ВОЗРАСТ ЖЕНЩИНЫ

О. Москвитиной

Перевалит за сорок и всё! Перевалит за сорок,
И не надо считать, пусть останется сорок всегда.
Потому что нельзя дальше женщине: дальше тех горок,
Тех деревьев, канав, где почти застывает вода.

Это время стоит и отсвечивает вроде ртути.
Что такое оно? Почему правит бал на земле?
И не ум, красота и талант – побеждает по сути
Только молодость, влажной сирени букет на столе.

То есть миг! Потому побуждаем друг друга: - Ловите!
Словно все – коперфильды, жонглёры мы и циркачи...
Но глядим – кружит лист золотой по древесной орбите,
Норовя заманить дальше в осень узором парчи.

Было бы пятьдесят, шестьдесят – даже вымолвить тяжко! –
Но согласно условию, нам сорок доблестных лет.
И стоит на столе не сирень – полевая ромашка:
В честь того, что для женщины лучшего возраста нет!

МОДНАЯ ПЛАСТИКА

С возрастом человек обретает
тот облик, которого заслуживает
Афоризм

Упрятаны шрамы за ушки.
Накачаны губы, как мяч.
Выходят царевны-лягушки
Из клиник. Посмотришь – хоть плачь!

И новые, новые – тоже.
Собрать всех – ну, как близнецы,
Столь неразличимы! Похоже,
Из жабьей икры образцы.

А раньше ведь были прекрасны
Глазами и абрисом рта.
Немного привяли, как астры
В сезон золотого листа.

Но мода - на свежесть, и как бы
Штрихи жизни нехороши.
Уж лучше иметь облик жабы,
Чем выглядеть старше души.

Стирается смех, слёз потоки –
Всё-всё, что копили года.
Бум тайн. Пусть не знают потомки
Итогов лица никогда!

БАБЬЕ ЛЕТО

Мух назойливых кусачесть,
Ос вертявых арабески.

Бабье лето. Женских качеств
Представленья и гротески.

В моде – стервы (вы слышали?),
Блюда с перцем, всё такое...
М-да, одни берут грехами,
Где другие – чистотою.

ПОЯСНЕНИЕ К СТАТИСТИКЕ

По статистике жизнь женщин
Дольше, нежели мужчин.
Компенсация затрещин
И агрессий без причин?

Роды, стирки ... поневоле
Закаляют дух и плоть.
Но всегда вторые роли
Предлагает им Господь

Чтобы ясно было каждой:
Ты – из мужнина ребра.
Так – до смерти, что однажды
На ухо шепнёт: - Пора!

И фамилию по списку
Своему произнесёт.
Но услышит: - Хоть и близко,
Да не то, не мой черёд.

Ну, а чей – искать безносой,
Время лишнее дарить...
А фамилию и носят
Мужа – смерть перехитрить!

Женщина – лукавы очи,
Томный голос, декаданс...
Та, что жить подольше хочет,
Ходит замуж много раз.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЖЕНЫ

Сивцев вражек спит, Тверская,
Бабочка в раю...
Спи, любимый! Ночь ласкает.
Баюшки-баю.

Спит в музее рыцарь в латах,
Слава спит в лучах.
Даже стрелки на курантах
Дрогнули и – ах!

Спит провинция, столица,
Город мой и твой.
Реки спят, а мне не спится.
Я – как часовой.

Кто-то должен быть на страже,
Если ночь длинна.
Сну сдаётся Сивцев вражек,
Враг, но не жена.

Спи, захватывая жадно
Сторону мою.
Слитно, значит, - не прохладно.
Баюшки-баю!

ОТ ЛЮБВИ ДО ...

* * *

Не встречай меня, не мучай,
Глупых снов не навей!
Ты спокойный, ты везучий,
Как трамвай.

И тебе мои печали,
Словно страусу – пальто.
Я скучаю – не скучаю...,
Ну и что?

То - мои проблемы, то есть, –
Жизнь, в которой - ад и рай.
Каждый русский любит скорость.
Набирай!

Как трамвай, как страус. Даже -
Как НЛО на склоне дня...
Дальше, дальше, дальше, дальше
От огня!

НЕ К ЛИЦУ

Как хорошо, что однажды меня не любили!
Строили планы с другой и другую лепили
По своему образцу, уступавшему Богу.
Глиной и я стать могла бы, ещё бы немного...

Только я вовремя спряталась в тень, отступила,
Чтобы прочистить глаза, как от едкого мыла.

Слёзы полезны порой, если света не застыят.
Так же и страсти, когда не последние страсти.

Кто он такой вообще, коль – не Бога подобье?!
Бог-то ведь любит, - пыталась сказать я, но дробью
Зубы стучали мои между всхлипом и спазмом,
Между прозрением и не сложившимся пазлом.

Кем бы он ни был, тьфу-тьфу, хоть самым сатаную,
Меткой на сердце, холодной иль жаркой волною,
Я благодарна за всё, что прошло, но осталось.
Мне потому не к лицу разговоры про старость.

ЕЩЁ ОДНА ВЕСНА

Ах, Боже мой, снова весна, листик клеится к листику!
Я клеюсь к тебе через сны, заклинания, мистику,
Звонки телефонные, книги, срамную стилистику.
И этому есть объяснение одно: - Ай лав ю!

Я больше не верю в науку снегов – кабалистику,
В застывшую реку крови твоей, чувствуя истину
Меж льдом и огнём, в золотой середине, - в раю,
Что в мае всегда открывается в нашем краю.

Для важности пущей сослаться могу на статистику,
Но ясно и так. С головою в цыплячью флористику
Нырлет пчела, демонстрируя эквилибристику,
А после – счастливо-чумазую рожу свою.

И нам не к лицу погружаться с тобою в софистику.
Ты пробуешь взглядом ответить мне на «ай лав ю» -
Оттаявшим, нежным ... (продолжила б характеристику,
Но время настало озвучивать нас соловью).

ЛАСКОВЫЙ МАЙ

В пятый раз прохожу
Мимо дома и белого сада.
Где своё «жу-жу-жу»
Исполняют носители яда.

Из цветка, из окна,
Из проталин курчавого неба
Нами правит весна,
Чем-то кровь заряжая целебно.

И поэтому нет
Никаких возражений диктату.
На ласкающий свет
Сладко щурится кот хитроватый.

Мир настроен сейчас
На добро, откровение, завязь...
Отчего ж в пятый раз
Прохожу я, войти не решаясь?

В НАСТОЯЩЕМ ВРЕМЕНИ

Перехватывает дух:
Жизнь сужается до двух
Человек, сердец, миров.
Кто влюблён, тот нездоров.
А какой с больных, нас, спрос?
Мы – зависимы от доз,
То есть взглядов, ласк, речей...
С каждым днём всё горячей!
Кровь спешит, дробится пульс.
Притяженьё: минус – плюс.
Кто – железо? Кто – магнит?

Только слитно – не болит.
Сразу – смысл и кислород...
Смерть – когда наоборот!
Вопль мой: - Дайте мне его!
Мы – две части одного.

ЭХО ИНКВИЗИЦИИ

В.О.

Возле дома цветёт петунья
С сильным запахом, как бальзам.
Мне сказали, что я – колдунья:
По зелёным моим глазам.

В наше время в такое верить? –
Совершила я ход конём.
Но слышала, что проверить
Очень просто святым огнём.

И пахло палёным, словно
Инквизиции пробил час.
- Ну, а что на костре любовном
Я сгораю, устроит Вас?

ПАЗЛ

Милый мой, нельзя быть счастливыми назло
Врагам, завистникам... Но вопреки
Расстояньям – сложимся с тобою пазлом
И любовь удержим в четыре руки!

ЧЕМ Я ЛУЧШЕ ДРУГИХ

Чем я лучше других? Тем! Я хоть и не золото,
Но целёхоньки уши мои, не проколоты.
Не оттянута мочка тяжёлым кольцом,
Как у псевдоцыганки с порочным лицом.

Если этого мало, возможны добавочки.
Я тиха и нежна – наподобие бабочки.
Но взамен манких крыльев её – взмах ресниц,
Чтобы перевоспитывать взглядом тупиц.

Нет, я не педагог, но, пожалуй, с задатками...
Я все наши притирки спешу сделать гладкими.
Лишь себе не прощаю ошибок и тщусь –
Впредь не делать, свод правил уча наизусть.

Я за мир и за непримененье оружия...
Пусть мой голос медов, но охотней я слушаю
То, что ты говоришь мне. Сейчас ты спросил...
Я – одна, та, кого твой вопрос не взбесил!

ЧАСЫ И ВРЕМЯ

На часах, что ты мне подарил,
Время нынче малость отстаёт.
Значит, поутих твой прежний пыл,
И ослаб, как видно, мой завод.

В общем-то, естественно вполне.
Сколько пролетело бурных лет!
Раньше полыхали мы в огне,
А сегодня – излучаем свет.

И часы, запястье обхватив,
Считывают с пульса на руке
Данные, включая в свой мотив
Вроде переплесков на реке.

А куда спешить?! Какая связь
Между бегом и молвой «судьба»?
Хорошо, в часах не завелась
Вдруг кукушка, что на жизнь скупа

* * *

Глядишь на юниц гипнотическим взглядом,
Которых в своём поколеньи не знал.
Ревную ли я, находясь с тобой рядом,
По-женски на время ушедшее зла?

Я так понимаю тебя, мой хороший,
Как целый оркестр, рвущий душу смычком!
Мне нравится тоже зелёный горошек
Среди перезрелых и тучных стручков.

РУСАЛКА

Конечно, уходящей жизни жалко,
И хочется тебе на склоне дней
Хорошенькую голую русалку –
Свежее утра, лилии нежней.

Зеленоглаза и простоволоса,
Обточенная речкой, как агат,
Она и есть твоя хмельная доза
Последняя - и нет пути назад.

Что ж, упивайся! Разве ты – мой пленник?!
Я не держу. Но хоть разбейся в дым,
Она не разведёт свои колени
Перед тобой, не сделает родным...

В Е С Н А . R U

А. Шкляринскому

Весною в чате если и цветут
Деревья, то не пахнут совершенно.
Но двадцать первый век нас сводит тут
По первому желанию – мгновенно.

Всемирной паутины не боясь,
Мы говорим захлеб ... или иначе.
И вишенная тюлевая вязь
Нас майским ароматом не дурачит.

Быть трезвой и разумной – лучше нет!
Под обаянье мимики и жеста
Не поддавать ... Лишь Слово и ответ
На Слово – настоящее блаженство.

И наши отношения ясны,
Прозрачны. Им опасен только вирус.
Но вот – весна ... Наверно, от весны
В них есть такое, что идет на вырост.

Я время драгоценное краду
У собственной реальности для кибер-
Поклонника, хоть слышу, как в саду
Пернатый чувства переводит в гипер.

Но то, о чем не шутят соловьи,
Я в шутку облакаю (тише, лира!):

«Мои глаза красны, как у вампира.
Вы знаете, что красный – цвет любви?»

НОТА «СОЛЬ»

Давай с тобою встретимся напротив
Непролитого неба-океана
И объяснимся на последней ноте,
Чтоб проступила соль (на полстакана
Кристаллов семь – приемлемая доза).
Без слез с любовью только истуканы
Справляются. Ведь даже от мороза
Взгляд застывает. Чем от чувств-то – странно?
На улице, на людях – ну, и что же?! –
Позволим эту роскошь откровенья.
Чего нам ждать? Чтоб сделаться моложе –
Вовек не подгадать уже мгновенья!

POST FATUM

Любимый, ты слышишь меня? Говорю, словно в вату.
Сама не пойму... Кто б сказал, происходит ЧТО с нами?
Мы снимся друг другу? Или отоснились? И снами
Уходим в латынь-чужестранку: в *post faktum*, в *post fatum*...

Но прошлое так, как в груди (точно слева), наверно,
Не рвётся, не режет, пронзительно не угрожает.
Выходит, что я – в настоящем, в живом ещё, нервном,
А ты на витке, когда всё это сплошь раздражает.

И лучше молчать. Жаль, что больше мы не телепаты
С тобой друг для друга, и душ не читаем, как раньше.

Тогда нас пронизывал свет – золотист и оранжев...
И нам на язык никакой не ложился post fatum.

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Любила ль я тебя однажды?
Да умирала, как от жажды!
Да... Впрочем, что и говорить!
Воспоминаньями не мучай!
Но если подвернётся случай
И место, лебеда и сныть
Ковром покажутся турецким!
А ты – то Вронским, то Лаврецким,
Но именно самим собой.
Прильну безбожно, без зазора!
Какой уход?! Какая ссора?!
Какая смерть, когда – любовь?!

ВИЗАВИ

Сколько можно твердить в пробирающий мрак до костей
О любви, визави?
Неужель у тебя никаких больше нет новостей?
Хоть разок удиви!

То меня заклинаешь, то крутишь какой-то тотем,
То внушаешь стихи.
Знаю, скоро весна – через вечность примерно, затем –
Целый мир чепухи!

Я того и хочу: одуванчиков, майских жуков,
Бликов в кроне берёз...

Никаких обязательств, тяжёлых любовных оков,
Обжигающих слёз!

От зимы натерпелась, никак не стряхну этот груз,
Скорбный пепел небес.
Помоги же мне вырваться из: всех ознобов, из Муз! –
Хоть на дачу, хоть в лес...

Где под кружевом хрупким пульсирует, плещется, бьёт
Жизнь – победный ручей.
И пожарное солнце стоит возле самых ворот –
Открывайте же, эй!

БОРОВСКИЕ СТРАДАНИЯ

* * *

Хорошо б куда-нибудь уехать
От морозов каменных, от снега –
Не за иноземною тоской!
Пусть бы окружали те же лица,
Речь родная, рощицы ..., и тридцать
Витязей мой берегли покой.

Потому что в центре, слева, справа
Дикие в моей Отчизне нравы:
То срывают шапку с головой,
То, не обсуждая дня и места,
Как в дуэльном деле, у подъезда
Направляют в сердце выстрел свой.

Если времена не выбирают
(Да и не из чего – в нашем крае!),
Выбрать бы глаза поголубей,
Чтоб в меня вливали свет небесный,
Городок намоленный, уездный,
С соловьями вместо голубей.

И зажить! – Распахивая в зелень,
В свежесть утра, в запахи и трели
Десять окон солнечной избы –
В две руки или в четыре, либо
Так и эдак, восхваляя климат
Отношений, местности, судьбы...

Г О Р О Д О К

Весь в оврагах и садах городок,
Весь в ручьях, не признающих оков.
И глядят через оконный ледок
Старожилы, как из прошлых веков.

Значит, к жизни интерес еще есть
И к идущим мимо, как ни юли ...
Справа, слева – всюду церкви, не счесть
Их, оставленных и стертых с земли!

Ощущаешь вертикальную связь
Здесь особо. Вместе с небом летит,
Подсыхая на веревочках, бязь,
Увлекая кроны сосен, ракиит ...

Не стоит на месте день никогда,
Да и мысли не стоят, да и дождь ...
Приключения бывают тогда,
Когда дом свой покидаешь, идешь ...

Попадаешь вот в такой городок,
Через щель срываешь розу в саду.
И вдруг слышишь: - Я за этот цветок,
Точно так же Вас сейчас украду!

* * *

А.У.

Пережила развод... До свадьбы –
Уже два шага мне. Так вот,
Порою люди шепчут: – Знать бы,
Уметь бы посмотреть вперед!

Я знала, трудное решенье –
Ещё не всё, не всё, в конце
Господь пошлёт мне искушенье.
И он послал – в твоём лице.

Изобретательный, упорный,
Кому, чтоб не раздуть огня,
Твержу я веско, как валторна,
Что есть любимый у меня.

И хоть в глазах твоих досада,
Ты отвечаешь мне: - Ну, что ж,
Любовь - не вечна. Сколько надо,
Чтоб переждать её, как дождь?

Каков! Мы это видим разное.
И я спешу внушить – Ты что?!
Нам ближе в рай попасть гораздо,
Где Фрагонар, цветы, Ватто...

И поцелуйчики украдкой,
И лёгкость крыл, и лёгкость фраз
Там развлеченьем будут сладким.
Но здесь – убийственным для нас!

Зачем с горячностью ненужной
Ты рвёшься спутать жизнь мою?
Быть может, ты не веришь в дружбу...
Или не хочешь встреч в раю?

* * *

А.У.

АУ! – в лесу твои инициалы.
А ты подумал, я тебя зову?

Я просто в тёмной роще заплутала,
Наткнулась на ежа и на сову...

Две гласных я двенадцать раз пропела –
На север, запад, на восток и юг,
Пока в просвете вдруг не разглядела,
Что мне спешит на выручку супруг.

В то время ты писал свои романы –
От нас на расстояние городов,
Но уловил мой голос, как ни странно,
Сквозь влажное дыхание садов.

И сразу у тебя очки вспотели,
И ручка разломилась по резьбе...
Я не тебя... Ты веришь? В самом деле!
Хотя (к чему лукавить?) – о тебе...

В ЛЕСУ

В лесу – сплошь комары да сыроежки.
Я их стираю с рук, сбиваю с ног.
И от людской, и от небесной слежки
Ныряю под берёзу, ель, дубок...

Так хочется порой уединиться,
Создать переполох на целый свет!
Но ... - Чья ты, чья, - допрашивает птица, -
Скворцова, Соловьёва, Ворон...?

- Нет!

Сама ты Воронцова, – отвечаю
Нарушившей внезапно тишину, –
С магическими женскими очами,
Хоть рядишься порой под сатану.

Но если знать тебе зачем-то нужно
(Дежурная по лесу, может, ты!),
То величай меня отныне мужней.
И тайну разглашай до хрипоты.

Пусть и другие подсобляют птицы...
Вам видно, чем смущён лесной чертог?
Вон шарик одуванчика дробится...
Ко мне спешит любимый, сбившись с ног!

УЛИЦА ПЕРВОГО МАЯ

Андрею Коровину

Я живу на весенней улице
По-датски точной – Первого мая,
С личным соловьём вместо курицы,
С белой сиренью в воротах рая.

Рай не значит – после чистилища,
Это – подлинность (места, простора...).
Водоём, мост, рыбац с удилицем,
Колокольный восторг собора.

И весна, ну, конечно, вечная
(Как иначе – на улице Мая?!).
Улыбается дева встречная –
Не с картины ль Серова, живая?

От одуванчиков ярко-лисья
Мать у газона. Город... Впрочем,
Не торопитесь! Может, Тбилиси,
Ивантеевка, Рим или Сочи.

В них, честно, такая имеется
Улица под отогретым небом.
- А небо – общее, - скажет Швейцер, -
Как и земля с живительным хлебом.

Значит, делить попросту нечего.
Приезжайте, Андрей, Андрэ, Андрис!
Рай стабилен, жизнь переменчива.
Дом двадцать семь. Я диктую адрес...

РУБАШКИ

Безголовые рубашки
Все прошли сквозь гильотину.
Если быстро, то не тяжко, -
Циник внёс мажор в картину.

Но решили, что им мало,
И удавку предложили.
Целый день (мне дурно стало!)
На балконе их сушили.

Вот такие изуверы
(Называется, соседи!).
Утюгом пытаться, наверно,
Тоже будут... Крыша едет!

Для чего ж такие страсти?
Для того ж! Во время бденья
Будет завтра же мне «здрасьте»
Напевать, кто их наденет.

ЖИТЬ В ПРОВИНЦИИ

Знаешь, и в провинции не безнадежно
Жить, через соломинку пить рассветы...
Если б от дождей затажных так уж тошно
Не было! Случается, льют всё лето...

Чувствуешь несчастной себя, в карантине,
Господом забытой, забывшей лица.
Но чуть брызнет солнце, к реке мчишься. В тине
Чешуёй поблескивает плотвица.

Небо, извиняясь, падает аж в ноги.
Что ж, непростенье глупостью чревато.
Можно жить... Когда б не темень на дороге!
На огни провинция скуповата.

А на что равняться-то, куда стремиться,
Если не на свет, впереди горящий?
Вот и начинаешь думать о столице...
А мечты в провинции – нет их слаще!

* * *

Я полюбила, как туристка, Боровск,
Автобусы с маршрутками – за скорость,
И между сосен дом старинный твой,
В котором ты жил-был с другой женой.

Где нынче – я, и звон посуды вешний...
Я догадалась, что хозяйке прежней
Предметы верность всё-таки хранят –
Не подчиниться новой норовят.

Я полюбила барышень колючих
За то, что подобрать нельзя к ним ключик,
Хотя они и дочери твои.
И, видно, те ещё нас ждут бои!

Я полюбила на стене портреты,
Ловя порою взгляды из-за Леты
И пробуя ответить кой-кому,
Зачем я ем и сплю в твоём доме.

Сползает снег и бухается с крыши.
Я полюбила свой испуг и слышу
То хруст мышиный, то шажок жулья...
Что делать?! Но другого нет жилья.

Я полюбила всё, что окружает.
Мне зеркало не льстит, а отражает.
Я вижу правду жизни ... и терплю –
Не просто так, а за твоё «люблю».

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Боровск кошкой выгибает спину.
Кажется, вот-вот нырнёт в малину,
Искры с шерсти разбросав в траве,
Чтоб не сомневались в естестве.

Нет, он за вершиной брать вершину
Заставляет, будто бы в родстве
С Ялтой. Водит нас по серпантину,
Развлекает спусками к Протве.

Он не видит, собственно, причину,
Чтоб скрывать неровность, как морщину.

Это – дело слабых в большинстве,
Кто не ищет смысла в божестве.

Он не верит ни огню, ни джину,
Крест свой омывая в синеве.
- Жизнь – в преодоленье. Я не сгину, -
Мыслит он, удвоившись в Протве.

* * *

Увязшие в снегу до узких талий,
Стоят деревья, не скрывая граций,
Парлекают вороны по-французски –
О чем, мне, русской, и не догадаться.

У всех секреты. Вот и ты – туда же!
Молчать по-фински появилась мода.
Чтоб я не прочитала мыслей даже,
Любимый мой, без сурдоперевода.

Деревья, что без родины – ни шагу,
Качаются, суфлируют мне дружно.
Я веточкою в снег, словно в бумагу,
Впечатываю слово, что мне нужно.

Как телепат, тебе внушаю: - Помнишь,
Оно ведь было в нашей эпопее?
Я, не стесняясь, прихожу на помощь,
Хотя, «кто больше любит, тот слабее».

Трещат стволы. Кричат вороны-галлы.
Безмолвие при жизни – это дико.
А, может быть, для фона шума мало?
Чтоб оттенялось сказанное тихо...

* * *

Ты тянешься ко мне чуть-чуть с ленцой,
О чувствах говоришь куда как мало!
И я в отместку «делаю лицо»,
Чтоб слишком уж любовь не проступала.

Однако нелегка мне эта роль.
Нам переключкой бы отметить веху!
- Люблю, – пытаюсь вышептать пароль
В надежде на ответ, подобный эху.

* * *

Ты меня забываешь, хотя я ещё под рукою,
Забываешь погладить и губы губами найти...
Я тебя не виню. Значит, я не могу быть такою
Для тебя, ну, кого притянуть бы хотелось к груди.

- Тебе мало «сю-сю»? – уточняешь слегка удивлённо.
Разве стоит быть вместе, как, скажем, стена и стена?
Что такое «сю-сю»? Это мир, арсенал всех влюблённых!
Но нарочно его не создашь. И не надо, не на...

Разве можно выпрашивать ласку? Да нищей у храма
Лучше встать и молитву шептать, опуская глаза...
Всё способна простить себе, только не этого срама –
Добывания крошек любви, что дожидаться нельзя!

ВСЁ КРУЖИЛАСЬ ЛИСТВА

Не кружилась листва...

В.Прокошин

Всё кружилась листва вперемежку с дождём,
На зонты налипала заплатами,
Я тебе предлагала: - Любимый, пойдём
Мерить лужи с тобою каратами.

Ты не помнишь? Вчера я там шлёпал босой.
Нагулялся, - бросал мне с небрежностью, -
Обнимайся сама с этой рыжей лисой,
Вы похожи с ней хитростью, внешностью.

Я слегка обижалась, но, что же, одна
Удалялась походкою важною.
Всё кружилась листва, всё мелькала блесна
Над моею дорогою влажною.

Я входила в туманы, чтоб после домой
Возвратиться со шлейфом... Навязчиво
Кто-то мысль мне внушал, говоря сам с собой:
- Запах – это душа уходящего.

И потом всё окрест повторяло: - Душа!
Это «ша» не смолкало и множилось.
Всё кружилась листва, мельтеша и шурша.
Я играла с огнём её, Боже мой!

И ни холод с дождём, и ни снег, и ни хмарь
Не могли помешать сей живучести.
Всё кружилась... Лишь ты не кружился, дикарь,
Предо мной, избежав сладкой участи.

КРАЙ СВЕТА

Отчалил автобус последний,
А мне надо было к тебе.
Но Боровск – край света, хоть летний,
Хоть зимний, с рыданьем в трубе.

И я сотни раз в нём бывала.
Беря с боем, словно в войну,
Невежливый транспорт. Как жало,
Он в сердце... Я молча клянчу,

Что ты – пуленепробиваем,
Доволен и недостижим
На улице Первого мая
В своей первобытной глуши.

Ты знаешь, что я на край света
Не просто так, а за тобой
Иду, пробиваюсь и еду...
Да! Не восторгаюсь судьбой!

А что, надо, чтоб целовала
К тебе все дороги-пути?
Свидетельств любви вечно мало,
Покуда ей тесно в груди.

* * *

Т. Дубовой

- Интернет – не спасение от темноты, -
Поздней осенью я замечаю резонно.
- Не спасение от белых пятен... сезона,
Но в другом смысле – шанс на него, - веришь ты.

Мы идём по обильной, шуршащей листве,
Как по снам отоснившимся, и отступаем
От речей в пользу мыслей, а в их естестве
Всяк уже со своим заключеньем и краем.

Мы не жаждем прочесть друг у друга, как миг
Или вечность назад порывались успешно.
Нет запала того. Приподняв воротник,
Каждый тихо уходит в себя, безнадежно.

Это время, когда я боюсь в темноте
Насовсем потеряться, не выбраться к свету...
- Мы найдём тебя снова в капустном листе, -
Шепчет мама с небес, шанс не дав интернету.

ПРИБЛИЖЕНИЕ К КИТАЮ

Л. Соколовой

В маршрутке еду, мыслями витая
Бог весть где. Но, оборотясь к дороге,
Вдруг вижу, как сложились в иероглиф
Тугие прутья. Может, я в Китае?

На фоне снега так рельефно слово!
Пожалуй, Лао-Цзы его оставил,
Когда твердил одно из главных правил:
«Трать в творчестве себя, оно – основа».

Внимаю. Рифмы для осин и елей
Ищу, чтоб не довольствоваться прозой.
Хотя для русских жизнь без громких целей
Не менее важна, чем с некой пользой.

Но я уже настроена на вирши.
Я утончаюсь и душой, и взглядом.
Сквозь окна месяц, света не включивший,
Следит за мною старым азиатом.

Он сед, он бледен, как зима, смертельно.
Но до него ли? Я въезжаю вроде
В старинный город с башнями, с метелью...
И к выстрелу готовлю яркий зонтик.

БЕСПОЩАДНАЯ ФАНТАЗИЯ

Наличников сказка резная.
Кинжальных сосуллек парад.
Я в дом наш войду и узнаю,
Что было минуту назад.

Очки. Телефонная книжка
Раскрыта на «С». Свет, собор,
Сусанин, Светлана... Интрижка?
С утра деловой разговор?

Деревья в услужливых лапах
Тащили букеты к окну –
Из снега. Ты кофе пил. Запах
По кухне витает. Вдохну.

Что это сближает - поверю,
Смогу угадать даже сорт.
Потрогаю гвоздик над дверью,
Прибитый мной под натюрморт.

На кухне и в спальне, и между,
Где синяя шторка дрожит,

Я счастья искала, надежду
Теряя по-женски навзрыд.

Зачем ты любил меня мало?-
Спрошу, пока здесь тебя нет.
Молчание в стены вращало.
Вросло – не получишь ответ.

Лишь в зеркале след от дыханья
(Ты брился тут, бра освещен).
Спешил. И одежд колыханье
В прихожей заметно еще.

Кто ждал тебя? Некая Света,
Закутавшись зябко в меха?
Наверно, со снежным букетом
Ты смахивал на жениха.

А я – человек-невидимка.
Оставить записку? Да ну!
Вернешься, глазами со снимка:
- А помнишь?- проверить рискну.

ПОГРУЖЕНИЕ В СКАЗКУ

Здесь молочная речка со взбитыми сливками снега,
У которой - берега кисельные ранней весной.
Просто сказка! Гуси-лебеди, не сдерживая смеха,
«Га-га-га!» расплескивают над всеми и надо мной.

И, правда, на жидкой дороге выглядят все потешно:
Сильно жестикулируют, пытаясь сменить маршрут.
Сама я по самое сердце здесь увязла успешно.
Увы, боясь пересадки, мне руку не подают.

Взмахнув сто раз рукавами, я никуда не взмываю.
То изгородь напрягаю, то к ставням поющим жмусь.
- Вот, - говорю, - ты какая по кружевному-то краю,
И волшебство, и коварство соединившая, Русь!

Глотками пью лёгкий воздух как некое угощенье.
И страшно пустить мне корни, и больно поймать вопрос
Один из тех, что роняют умышленно, без смущенья:
«Зачем её Сивка-Бурка сюда по весне занёс?»

ТЕКИЖА

И сказал монах: «Теки же!»
И вода не задержалась,
Принимая волю свыше, -
По оврагу разбежалась.

К ней навстречу сто дорожек
Зазмеилось... Вот царевна!
Помнишь, мы с тобою тоже
Их торили ежедневно?

И её живой морозец
Нам сводил нутро и голос –
Так она, подобно розе,
Восхищала и кололась.

Вёдра пели! – от домишек
До чашоб чертополоха...
Ах, теки же! Ах, Текижа, -
Незабвенная эпоха!

МОЙ ОБНИНСК

ГОСТЕВОЙ БРАК

В.О.

Иногда полезно жить в разлуке,
Между городами рвать себя,
Чтоб сердце при встрече перестуки
Чувствовать, пуд нежности скопя.

Сладко снова назначать свиданья,
Предвкушать, пример брать с молодых.
Но, конечно, это – испытанья!
Вечно нам подбрасывают их.

Значит, хорошо, что – не бок о бок,
И не до замыливанья глаз?
Почему ж тогда мы стонем оба
И клянём маршрутки между нас?

Почему я обнимаю Обнинск
И колю звонками Боровск твой?
Смешано, запутано всё (обыск,
Что ли, был?): из дома, в дом, домой...

Что меня здесь держит: авторучка,
Служба, электричек перестук?
И глядит задумчивая внучка
Мне в глаза, и радуется внук.

ГОРОД – САД

Это – город Обнинск, город-сад.
Яблоня склонилась к тротуару
Возле ОВД, и всем подряд

Шепчет: «Угостись плодами, брат,
Угостись, сестра!». Как в сказке старой.

А они бегут. Бежим и мы
Мимо грузных веток, без задержки.
- Отведи нас лучше от тюрьмы
И, как говорится, от сумы, -
Заклинаanjem отвечаем в спешке.

Перестали верить в волшебство.
Детство повзросло. Мы забыли
Добрые концовки. От всего –
Страх. И не придумки на него
Каждый раз настраивают – были.

Но не будем о плохом, ведь есть
Что-то в жизни вопреки печали.
Город льнёт к душе, бормочет лесть...
А всего-то надо было съесть
Яблочко румяное – в начале.

МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Е. Деньгину

Ключом скрипичным мы открыли двери
И одолели семь ступеней вверх –
В мир выстроенных звуков и мистерий.
О, музыка, делимая на всех!

Мы скучные разучивали гаммы,
Задерживались в классах допоздна.
И незнакомцы, вписанные в рамы,
Свои нам раскрывали имена.

Казалась жизнь то белой, то черной,
Как клавиши. День добрый, день плохой...
Так впитывали мы, что труд упорный
Успехом окупается с лихвой.

Мы жертвовали играми на воле,
Мы развлекались с горем пополам,
Чтобы теперь сказать «спасибо» школе,
Родителям, приведшим в этот храм.

Спасибо вам, что сдерживали вздохи,
В парадных рамах Бах и Людвиг Ван...!
И, наши педагоги, наши боги,
Спасибо вам!

ОДНОКЛАССНИКИ. RU

Г. Кондратьевой

Как горох рассыпались, разлетелись,
Лишь успел закончиться выпускной.
Поскорее в новую жизнь, как в ересь,
Впасть хотелось... Что же там, за весной?

В одночасье рухнули все границы.
Распахнулись двери, как на ветру.
Только школа не отпустила – снится!
Ждут на сайте «Одноклассники.ru».

Неужель ходить на свиданья эти,
Озираясь, через десятки лет?
Чтоб во взрослых вдруг проступили дети,
Про которых думали, что их нет...

ЗАКОННЫЙ ДЯТЕЛ

На балкон зимою прилетает дятел.
Отразиться в окнах? Что-нибудь поесть?
Долбит по пожарной лестнице, как спятил,
Не жалея клюва. А ведь это – жель.

Здесь же, чуть правее от него, - кормушка
С хлебом и горохом из сухих стручков.
Не ведётся, нет! Боится, что – ловушка?
Или мяса хочет... Где ж мне взять жучков?!

Словно юбиляр какой – при всём параде:
Чёрно-бело-красный, глаз не отвести!
Праздничный – не праздный. Вкалывает (ради
Ордена, быть может, на своей груди?).

Что ж, тщеславье – стимул и для птиц, как видно.
Восхищаюсь, славлю выпавший момент.
Говорят, японцы платят и за виды
Из окна квартиры... Мы, как будто, - нет?!

На квитках из ЖЭКов – бешеные суммы.
Их подтекст эстетский – не подкоп, не глюк.
Он и заставляет глубже брать и думать,
Сколько стоит воздух с красотой вокруг.

Закононый дятел мне стучит на Морзе
(Как не догадалась сразу-то, на слух?!)
То стихи, то прозу, то стихи, то прозу,
Многоцветьем жизни заряжая дух.

ПОДСКАЗКА

Г.Ушаковой

Ты любишь зиму русскую. Люби!
Податливых снегурочек лепи
И дай им нагуляться во дворе
Среди рябин и елей в серебре.

Скажи? – они нежнее вееров
Заморских пальм. Мороз, когда здоров,
Рисует их на окнах сверху вниз -
Вратами в южный рай. Не соблазись!

Скрипи снежком, ресницы опуши...
Читай, что пишет на стекле души
Декабрь, январь, февраль и даже март
(Весна объявит лишь в апреле старт).

Всё – мимолётно, да и жизнь сама,
Но только не огромная зима,
Которую пешком не обойти!
К бессмертью приобщаешься почти...

Покуда снег струится, свет и снег,
Люби её, ныряй в пушистый мех,
Горячее дыхание сличай
С ответным – специально, невзначай...

Зима – подсказка, для того и есть.
Любить – понять, почувствовать, учсть...
Вся – против чёрной зависти – бела! –
Буквально с двадцать первого числа...

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Здесь, в наукограде, как в глуши,
Пахнут травы, зреют вишни низко.
По проспекту, сбоку от машин,
Проезжают всадники из Кривска.

Видимо, везут благую весть.
Мне не трудно по довольным лицам,
Приостановясь, её прочесть.
Хорошо поэтом быть, провидцем!

Уважать конкретность, лишь она
Попадает в летописи наши.
Что почём, какая ей цена –
Выведут другие персонажи.

Им ещё рождаться. Жаль, роддом
Из-за кокков вечно на ремонте.
Но наукой Обнинск наш ведом,
Победит он и на этом фронте.

И проспекту Ленина дадут
С именем заслуженным табличку.
В честь героя прогремит салют,
А «ура» я трижды крикну лично.

Потому что жизнь всего главней.
И наукоград с хвостом окраин,
Ходом дней, коней, игрой теней
Оказаться сам не против раем.

ПЕСНЯ О ДВОРЦЕ

Посреди России, родины моей,
На скрещенье судеб, улиц и огней
Есть Дворец для счастья, музыки, речей,
Где зажглись на торте сразу тридцать пять свечей.
Живи, Дворец, зеркалами нам навстречу брызнув!
Живи, Дворец, исполняя зрительский каприз.
Живи, Дворец, как положено дворцовой жизнью.
Живи, Дворец, как всем хочется, ещё на бис!

Девять дев гречанок, девять главных Муз
Здесь наукоградцам ограняют вкус.
Обнинск – лёгкий выдох, да глубокий вдох.
Одному, возможно, мимо, остальным – в чертог.
Живи, Дворец, зеркалами нам навстречу брызнув!
Живи, Дворец, исполняя зрительский каприз.
Живи, Дворец, как положено, дворцовой жизнью.
Живи, Дворец, как всем хочется, ещё на бис!

Все мы убедились, что на свете есть
Волшебство не где-то, а конкретно здесь.
Распахнулись души, расцвели глаза,
Ангельские слыша в этих стенах голоса.
Живи, Дворец, зеркалами нам навстречу брызнув!
Живи, Дворец, исполняя зрительский каприз.
Живи, Дворец, как положено дворцовой жизнью.
Живи, Дворец, как всем хочется, ещё на бис!

МОЙ ОБНИНСК

Есть город, который не снится во сне,
Припав к моему изголовью.
Из всех городов он, единственный, мне
Всегда отвечает любовью.

В окне его вышка в семнадцать огней
Указкой нацелена в Бога.
Кем, если не Им, до скончания дней
Он дан мне? Мой Обнинск – эпоха.

Не в громкой столице, не в тихой глуши,
А тут, где мой дом и работа,
Вовне и во мне, в лабиринтах души
Свершалось глубинное что-то.

Мой город лепил меня так, как и я
Лепила его и любила.
Теперь мы – едины. Всё – от воробья
До отблеска окон – здесь мило.

Отсюда мне чётко видна вся страна.
Я в Обнинске – не за стеною.
Как в капле, Россия в нём заключена
И явлена, в том числе – мною.

* * *

Н. Коллеговой

Бесплатно жить легко. Но где оно, бесплатно?
В автобусе и то приходится платить.
А вечные долги? Пусть нет пути обратно,
Есть способ всё равно с лихвой их возвратить.

Сейчас мне хорошо, а завтра – ЧТО за это?
Незнание бережёт, звучит в душе, как гимн.
Всё честно на земле, хотя и беспросветно.
Небесной манны нет ни нам и ни другим.

И потому зазря кого-то зависть точит
(Мол, тем – передают, а мне – всегда в обрез!).

Таланты не равны, и чей-то путь короче
К задаче, но в другом – реален перевес.

Похоже, мера есть: на боль, успех расхожий,
На радость, на любовь, на горе, на восторг...
Но в чьих она руках? Кто постоянно может
Вторгаться в нашу жизнь? Чего не смеет Бог....

ВЫВОД

Бегу на автобус, хоть знаю, что поздно уже.
Зачем же я гроблюсь? – рефреном скребёт на душе.
Мне светит окно в два часа меж двух пунктов земли! –
Когда бы на точность глаза закрывать не могли...

Поэтому транспорт, как выгодно мне, подают.
И это из транса выводит меня в пять минут.
Я ставлю суму, и мне слышится: - Перекрестись!
Господь помогает тому, кто настроен спастись.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Сыну, внукам, подругам, сослуживцам и бес-
Сребреникам-поэтам, свежим рифмам с небес,
Жэкам, почтам, соседям, монументам-топлес –
Только здесь всем нужна я (сразу и позарез!).

То есть в Обнинске, дома, где легко быть земной
И возвышенной, праздной, занятой, заводной –
Всякой, если хотите. Ведь не в Рим запасной,
А ко мне тут дороги все ведут – до одной!

Ну, и как я уеду, убегу, улечу?!
По расквашенной глине? По морозцу? Лучу?
Я даю шансы близким, а порой и врачу
(Пусть на мне убедится, что лечить – по плечу!).

Я пою ранней птичкой утром, ночью совой
Время жгу, подчиняю (мне приятно самой!).
Телефон не смолкает, как на передовой.
Не должно быть иначе у меня, у живой!

* * *

Я родилась в бору... Но разве новость,
Что и душа меняется, и взор?
За верхний шум, за глухомань, суровость
Я больше не люблю сосновый бор.

И пусть вершины облака полощут,
Низины пусть полны боровиков,
Меня влекут берёзовые рощи
И чистота ромашковых лугов.

Здесь верится, что не иссякнет лето,
Не отцелует страстный шмель цветок...
Когда всё меньше остаётся света,
Его не просто любишь – любишь впрок!

Я от сосновых игл бегу к сердечкам
Живой листвы, счастливые часы
Зеркальной удваиваются речкой,
И лужицей, и капелькой росы...

МОЕМУ ОКНУ

У девятиэтажного дворца
Стою вроде малютки у торца
И думаю, что вырасту когда-то
В неведомом году (сокрыта дата)
До призрака, глядящего в окно
Седьмого этажа. Сейчас оно –
Ещё моё, со шторкой невесомой,
Готовой упорхнуть, оставшись дома,
На якоре. Мне так же, как и ей,
Он всех ветров нахрапистых важней.
Поэтому и сгинув, я не сгину.
На сантиметр лишь шторку отодвину,
Чтоб любоваться каждым, кто живой.
То плача с ветром, то шутя с листвой,
Но строго находясь всегда снаружи,
Я ничьего покоя не нарушу.
Ну, разве малость насорю пылью
На неудобном жестяном карнизе,
Когда вдруг неожиданно, как мой,
Внутри мобильник запоёт «К Элизе».

САМИ МЫ – НЕ МЕСТНЫЕ

ПО ДОРОГЕ НА ОЗЕРО РИЦА

Нету красивей пути, чем на озеро Рица.
По серпантину автобусу трудно тащиться
Мимо ущелий, сыпучих обрывов, высот...
Смотришь в окошко и думаешь: вот оно, вот,

Где потрудился Создатель с особым азартом,
Не прибегая к лоскутным лоснящимся картам
Ради победных реляций, как маршал... иль маг.
Здесь вдохновение правило, воля, размах!

И никаких перед Ним, никаких – аналогий!
В зарослях буйных отвесно вставали дороги.
В тучи ныряя, к скале подвигалась скала.
И, закипая, в янтарь превращалась смола.

Время лишь так измерялось. И не было рядом
Ни любопытных, ни позднего сына, с кем взглядом
Он обменяться, ища понимания, мог.
Но одинок бесконечно, кто сам себе – Бог.

Как Он стоял тут под солнцем назойливым, ветром!
Смотришь и думаешь: лучше обычным быть, смертным,
Лишь бы склоняться к кому, повисать на руке
И объясняться, шепчась на родном языке!

ГОРОД - ВИДЕНИЕ

Е. Хомкову

О, Санкт-Петербург, акварельный и талый!
Зеркальный, музейный, придуманный, важный,
Контрастный ... Как странно, что есть тут кварталы,
В которых живут современники наши.

И так же, как мы, могут чай пить с вареньем,
Глядеть в телевизор, в окошко ли просто ...,
Читать, даже плакать над стихотвореньем
С начальной строфой про Васильевский остров.

Но, боже мой, что же им снится ночами,
И часто ли душу смущают моменты,
Где призраки зябко поведут плечами
(Ведь север есть север, и прочь - сантименты!)?

Но нынче - бессонница, белую пену
Взбивает студёный неистовый ветер.
Дворцы озирают друг друга надменно,
Прохожих - титаны, отлитые в меди.

А что мы хотели?! Чтоб встретил любезно
Москвы антипод нас? Придумал бы действие ...
А он угрожает: - Сейчас я исчезну
С летучим корабликом адмиралтейства.

КОНДРОВО

Елене Шведовой

Леса и город, горы, избы малые,
Овраги с белой россыпью песка...

- Практически – Швейцария, - сказала бы,
Когда бы не российская тоска.
Нельзя назвать и жителей туристами,
У них оседлый вид – весьма простой.
Центр рассекает речка, а у пристани
Головки жёлтых лилий над водой.
Гондолы в берег тычутся. Коррекции
Не требует зеркальный мир. Зачем?
Он – божий, с небом, тучами... Венеция
Российская! И голубь на плече.
Все остальные – у Сан-Марко... Скромненько.
Две церкви. Два погоста (будь здоров!).
Три памятника Ленину, что – хроника.
Из новых – основатель Кондырёв.
Я тоже здесь отметилась в стабильные,
С ура-патриотизмом, времена,
Чтоб крепче полюбить большие, пыльные,
Другие города. Но я верна
Всему, однажды мной здесь приручённому:
Спокойной речке Шане (время «Ч»,
Злись!), пареньку, друзьям, коту учёному...
И даже белой птичке на плече.

ВОРОВАННАЯ МУЗЫКА

Я сижу на дощечке узенькой
Раскуроченных вдрызг качелей.
И ворую не что-то – музыку! –
Вязов, клёнов, ясеней, елей...

Я недавно сюда приехала.
Мне пока что всё непривычно.
Город-парк, город-лес. Со смехом мне
Сообщает о чём-то птичка.

Ковыляет тётка с кошёлкою.
Пробегают мальчишки мимо.
Лес старается, словно шёлковый,
Мной на ноты переводимый.

В духе Рихтера и Нейгауза.
А верней – в божественном духе.
Меж делами возникла пауза,
И на клавиши пали руки.

В Переделкино? Или в Ерино?
Да хоть где! Тишине не верьте!
Всюду музыка. Я уверена,
Что ворую средство от смерти.

ТАРУСА

Л. Долгачёвой и моим спутницам

Мне нравится с Наташей, Галей, Люсей
В подкрашенном листвою октябре
По берегу Оки бродить в Тарусе,
Где лодка отдыхает на ребре.

Где семь других посажены на цепи,
Чтоб умыкнуть не вздумала волна.
Девятую хозяин только крепит,
Десятая пока ещё вольна.

И можно к ней спуститься, сесть на вёсла
И заскользить по зеркалу реки.
Но слишком тянет задержаться возле
Рябины, камня, памятной строки...

Здесь всё цепляет, не даёт отчалить
К иным святыням, просит не спешить.
Я признаюсь Наташе, Люсе, Гале:
- Какое это счастье для души!

НА ТИЛИГУЛЬСКОМ ЛИМАНЕ

А. Б.

Красив угод, а грач, хоть – не урод,
Проигрывает, не садится близко.
У каждого – маршрут свой и прописка.
Чтоб разминуться – целый небосвод!

Угод предпочитает юг, лиман,
Где у друзей мы нежмся на даче.
Он – тут как тут, на голове – султан.
По вишне скачет, радуясь удаче.

А мы – своей, делясь плодами с ним...
Здесь, на пленэре, в зарослях, на воле
Он кажется декоративным, что ли...
- Из райских птиц, наверно, - говорим.

А грач – из чёрных мыслей? Из цитат
Вергилия? Из злых лохмотьев ночи?
Ну, да, понятно, где-то есть и ад.
Но нам плевать на это, между прочим.

На нас угод – посланец светлых сфер –
Глаз направляет, явно выбирая...
Тут важно вот что: не спешить, мон шер,
Срывать с этой – к новой точке рая!

ОДЕССА

Лиде и Толе Брюховецким

Одесса – не город: другая планета,
Где главное – вовсе не море и лето,
А реплики, фирменный юмор народа.
От них – настроение тут и погода.
И я упиваюсь у дома, у сада
Речами: «К мне быть вопросов не надо,
Я – мастер погоду сказать на вчера».
Одесса пленяет меня, завора-
Живает, даёт оглядеться, помешкать.
Она в переливах, она в пересмешках,
В отсутствии правил, в наличие шика
(К примеру, театр, где идёт «Эвридика»)
Всё – блеск, даже море, что не уступает
Другим, омывающим Хайфу, Дубай.
Упругие волны, песчаное дно.
Кто не был в Одессе, как с вас мне смешно!

МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ...

Алле Медведевой

«Liebfraumilch» пьют мужчины в баре
Из бутылок синих, как море в Сочи.
Мимо них проносят в хрустальной таре
Херес золотистый, как в Риге ночи.

За ближайшим столиком пять подружек
Весело сдувают, как снег с Эльбруса,
Кружевную пену с массивных кружек,
До краев наполненных пивом прусским.

Слева, справа, в центре, в зеркальных далях –
Магия напитков. Они, качаясь,
Блещут и гордятся, что все в медалях,
И букеты запахов источают.

-Выпьем за любовь! Хоть Минздрав любезно
Нас предупреждает... - взываю через
Смог и размягчающий шлягер местный.
Но некстати слышу: - Херовый херес!

АССОЦИАЦИЯ

Ольге и Валерию Исаевым

Город шприцами готик
Тянет суспензию неба.
Ясно – это наркотик.
Ну, вот и великолепно.

-Впрысни,- прошу,- мне в вену
Несколько кубиков веры!
Жизни хочу нетленной
Вместо скупой и серой.

Пусть закрутит в воронке,
Только снежинкой не тает!
Минздрав, как Господь, в сторонке –
Всего лишь предупреждает.

ПО СИНУСУ

Я не была ещё в городе
Пятой стороны света,

Где нет ни Оки, ни Сороти,
Есть только речка Лета.

Плывут берега туманные.
Стынут скульптуры. Много.
Глаза у всех – оловянные,
Внутрь глядящие строго.

За схожее настроение
Нас бы тут упрекали,
А там хоть мысль, хоть строение
Вглубь растёт, в зазеркалье.

Подводные травы с проседью,
С серебрянкой металла...
Откуда я знаю, спросите,
Если там не бывала?

Где плюс уступает минусу,
Кое-что представимо.
Поэтому я по синусу
Движусь – сторонкой, мимо...

Осваивать личным опытом
Мне не всё нынче мило.
И я осторожным шёпотом,
В общем, предупредила...

БАЙКЕРСКОЕ

Слышишь, на байке по воздуху мчит стрекоза?
Видишь, вся в коже турецкой и штатовском шлеме?
Вот приподнимет его, и возникнут глаза
Светлые, девичьи ... и абсолютно не в теме.

Байкерский слёт – это не на своих на двоих
Сходка под Маклино и переглядки друг с другом.
Это взрыв чувств и пространства, бензиновый чих
И единение мощное пульсом и духом.

Как марсиане слетаются. Гранками след –
Быззз! – осыпается где-то по кромке кювета.
Но кто читает сегодня в пути?! Интернет
Дома сидит. А стрекозы спешат за край света.

ДРУЖБА НАРОДОВ

Коль дружить, то с латышами...
В Дзинтари, забыв о Прусте,
Увлекаться их стишами
(Зиедонисом, допустим).

Говорить не Рига – Rigas,
Передразнивая словно
Донов Педров и Родригес,
Посвист вкладывая в слово.

Вдоль речушек, огородов
Шествовать походкой вольной.
И журнал «Дружба народов»
Библией считать настольной.

БОНЖУР, ФРАНЦИЯ

ГОД ФРАНЦИИ В РОССИИ

Памяти Франсуазы Саган

Ты пишешь про тепло парижских зим,
Про шансонье, писателей, музеи...
А я тебе про что?! Вообрази,
На днях закрыли книжный магазин –
Любимый наш... В читающей Расеи!

Намерены и сеть библиотек
У нас не пощадить. Плетут интриги.
Какой, ей-богу, двадцать первый век?!
Всё делается, чтобы свет померк.
Компьютер не у каждого, вот – книги!

Но мода их накапливать прошла,
Дарить – осталась, и читать порою...
Однако это личные дела.
А для дичков, которым нет числа,
Взамен прививки – бар пивной откроют.

Мы страны винодельческие все,
Хотя гордиться нечем, перепили.
Нам мало, как на фруктах злой осе!
Но сладко, что во всей своей красе
К нам Франция спешит в автомобиле.

Красотки Анжелики, короли,
Зачитанные до последней фразы.
Какой хочу сюрприз с твоей земли?
Немного солнца, вот что мне пришли,
В воде холодной... Как у Франсуазы.

НОСТАЛЬГИЯ

Куда-то уехать всегда неплохо,
Хоть на лифте, хоть на верблюде.
В движении – даже сама эпоха,
А мы – лишь обычные люди.

Перемены разгоняют печали,
Вдохновляют: - Ах, мы в Париже!
Поэтому и резонно отчалить,
Можно – с музыкой, можно – тише.

Рукой подать (мир весьма ладно скроен)
До Булонского леса или
До памятников французским героям.
Как музыка – каждого имя.

Такой уж язык – всё звучит красиво.
Он – родник, он – буря в стакане
И - ностальгия по прежней России.
Девятнадцатый век, дворяне...

Жаль, в обратное время нет дороги.
И век наш, выпуская крылья,
Предлагает будущее в итоге.
Пишем по небу: «Мы тут были».

ЧУР МЕНЯ

Изящные стихи. Гасконские замашки.
Ты в детстве обожал, наверное, Дюма?
Отсюда и усы, и с рюшами рубашки,
И долгий влажный взгляд – вот-вот сведёшь с ума.

Но только не меня! Зазря не напрягайся,
Поскольку занят ты не мною, а собой
Чуть больше, чем другой (Володя или Вася)!
Ты веруешь в сюжет, а я – в саму любовь.

ФРАНЦУЗЫ

Французы – очень лёгкая нация,
Творческая на треть.
Говорят: «Перестаёшь улыбаться –
Начинаешь стареть».

Мудрость чужая - для нас не правило,
Слишком не по судьбе.
Но эта мигом меня заставила
Свет не гасить в себе.

Он озарил и дом мой, и улицу,
Город с небом реки...
Что оставалось жителям?! – Щуриться!
И выходить из тоски.

И признавать: французов влияние
Более глубоко,
Чем остальных. Я ценю вливания
В русских Ларошфуко,

Провозгласившего лень спасением
От ошибок любых...
Мало – себя понимать, везение –
Так понимать других!

ГДЕ МЫ?

Французские улицы так же сутулятся,
Как наши российские, в ночь уходя.
Заходишь к одним – смотришь фильмы Кустурицы,
К другим – подключаешься к дрёме дождя.

И не различаешь, где сам ты, где прочие.
Вдруг птицу услышишь и не разберёшь,
Чьё произношение – французское, отчее?
И дождь, хоть в Париже, хоть в Обнинске, - дождь!

ОПОРА

Начнёшь брюзжать – и не остановиться.
Париж, Париж! Пардон, но где же лица
Катрин Денёв, Маре, Мишель Мерсье..?
То чёрные, то жёлтые... Месье!
Из моды вышли шляпки?! Сплошь – хиджабы!
Рвались в Париж, но оказались как бы
В Ташкенте, Тегеране... Тёмен мир.
Узбекским пловом тянет из квартир.
А так хотелось облачком Диора
Впрок надышаться! Впрочем, есть опора:
Париж, он и теперь Париж – на треть,
Чтобы увидеть и ...не умереть!

ГАРМОНИЯ

Надежде Соколовой

Птиц отлёт громогласный.
Мыслей и чувств союз.

Сердце осины красной -
В раме окна, как туз.
От такого акцента -
Потусторонний свет.
Хочешь, глоток абсента?
От Гогена привет.
Сиюминутность, вечность -
Это ж один флакон!
Сены запах аптечный
Память хранит как фон.
Можно себя представить
Где-то там, на тропе...
Хочешь, помашем стаям?
Хочешь, возьмём себе,
Что созидает Зодчий,
Обжигает огнём?
День совпадает с ночью,
Ночь совпадает с днём.

ПЕРСОНАЖИ

АКТЁР

Актер играет в фильме, он не знает,
Что умер после надписи «конец».
Он по сюжету водружает знамя,
От пули увернувшийся боец.

Он помнит всех еще, кто был с ним рядом.
Он слышит окликающих его.
И смотрит не остекленевшим взглядом
С экрана, из бессмертья своего.

Он в полной безопасности от правды,
И живо реагирует зрачок
На яркий свет... Чего ж ещё нам надо,
Сдувающим солёный дождь со щёк?

ПЕРЕПРАВА

Вот ногу ампутировали... Бедный...
Спаси и сохрани его Господь!
Теперь уж не земля, а воздух бледный
Старательно поддерживает плоть.

Пернатыми начертана дорожка,
Куда стремиться, нарезать круги.
Он пробует наощупь, осторожно,
По небу делать первые шаги.

Душой он здесь ещё, но переправа
Ему всё очевидней и больней.
И времени летучая отравка
Преследует последний всполох дней.

Он хочет взять с собою то и это,
Хоть знает, что таких карманов нет.
И бабочка-пожарница – вздох лета –
Его ладонь щекочет, как билет.

МОБИЛЬНАЯ СВЯЗЬ

Затем мобильник в гроб и положили,
Чтоб ждал звонка. Но отключили? Или...
Я всё же набрала знакомый номер,
До ужаса боясь услышать: - Помер.

Но веско он из глубины покоя
Изрёк – ошиблись, мол, и всё такое...
Затем послал подальше (даже – пуше).
Ведь мёртвые всегда щадят живущих!

ЭЛЛОЧКА-ЛЮДОЕДКА

Всё устаревает, и нередко –
Книжный образ (Стахова Елена).
А вот Эллочка-то («Людоедка»)
Более, чем прежде, современна.

Как она способна междометьем
Выразить своё, не словом – чувством!
И скорее веришь ей, чем этим
Нашим фарисеям, златоустам.

Голос, губы, пластика, колени...
А глаза – как под Одессой море!

В прошлом веке всех живей был Ленин,
А теперь – пускай они поспорят!

Ей на вид – опять примерно двадцать.
И её «хо-хо» сражает франта.
Женщина, а в силах догадаться
То, что краткость есть сестра таланта!

ПАРА

Киев, Калуга, Нара...
В сторону вечной Москвы
Едет красивая пара,
Скрывшись в «СВ» от молвы.

Ритм задают колеса
(Только – не наркота,
Как это в переносном
Смысле звучит иногда).

Крутит фильмы округа,
Выбрав экраном окно,
За которым друг друга
Любят, словно в кино.

Словно Юрий и Лара
(Впрочем, возможен любой)...
Даже колесная пара
Крутит на рельсах любовь.

И оттого так нежен,
Мягко, удобен вагон.
Мир ведь на чем замешан,
Тем и будет спасен.

МИСТЕР ИКС

Он наэлектризован, берегись,
Искрит, трещит – не тронь его руками!
Нахально носит имя Мураками,
Но сносит обращение «кись-кись».

Он – в нашем мире, но, как говорят,
И параллельный посещает тоже
(Встречали там). Выходит, стол и ложе
Способны возвращать его назад.

Сидит на подоконнике, как сфинкс.
Он – член семьи и явный центр уюта.
По кисточкам он – рысь, по духу – Будда,
По лицедейской сути – Мистер Икс.

Умён, - добавлю без обиняков.
И Дарвин подтвердит, и Мураками...
Он – весь таков, ну, сам себе с усами,
И тот ещё Никита Михалков!

ИЛИ?!

(палиндром)

Аникина –
Жена.
А неж-
То от
Жен (а?) –
Тень?
Нет!
От нас,
Санто.

Тут ее город,
Дорог ее тут
Ручьи.
И чур
Меня.
Я – нем.

БИАТЛОНИСТАМ

Сергею

Среди неистового снега
Они бегут, как на коньках,
На лыжах. С пылу, с жару, с бега
В мишени целятся. Ба-бах!

О, только б частое дыханье
Им не раскачивало плеч! –
Болельщица, молю стихами.
И не дышу, чтоб уберечь...

РЭП

Не то между нами что-то.
Змейй ускользает тема.
Ну, хочешь, я стану готом?
Ну, хочешь, я стану эмо?

А, может быть, лучше – Фриске
Или стюардессой Жанной?
Сегодня куда как близко
Культурою жить экранной!

Давай пойдём на сближенье
Сквозь знаковые фигуры!
А я намечу смещение
В сторону литературы.

Разрушим с тобою стену
Меж массами и элитой
Какой-нибудь книгой ценной,
По-новому знаменитой.

Про Бога на Чёрной речке,
Воскресшего в Интернете...
Чтоб нам не плясать от печки,
Рэп явит всё в новом свете.

А вечное не утратит
Весомости, вызвав споры.
Шагни мне навстречу ...ради
Известных точек опоры!

ПЕРСОНАЖИ

Сорняк живуч и агрессивен
(По гороскопу, как Телец),
Культурный же росток пассивен,
Слаб, хрупок – в общем, не борец.

Им рядом развиваться трудно.
- Глушить! – вот лозунг дикаря.
Им отдалиться б обоюдно,
Не искушать друг друга зря!

Но в мире – что? – тот наступает,
А этому спасенья нет.

Культурное пространство тает.
Не так ли, неженка-поэт?

Не ты ли – этот напряжённый,
Берущий к сердцу всё, росток?
Средой враждебной окружённый
За выпуск звёзд, за выдох строк...

УТЕШЕНИЕ

Кто обидел плакучие ивы?
Кто-то свой или время-палач?
Надо каждой сказать: - ты – красива,
Но ранима, как все мы. Не плачь!

О РЕИНКАРНАЦИИ

Верить успехам реинкарнации,
Как верить запасам, которых нет.
Снежным бабам не стоит стараться:
Мокрое место – плохой аргумент.

ИКОНОСТАС ПРАЗДНИКОВ

ЧИСТОВИК

Снежная вакханалия –
Старого года итог.
Зря, что ли, ждали, ждали?! И –
Господи! Тихий восторг.

Обернулись скульптурами
Лавки, грибки во дворе,
И мадонны с амурами,
И кусты, и дере...

Дальше – уже невнятное,
Мягко плывущее вспять.
Неба дыхание мятное.
Будущего не видать.

Тем оно интереснее.
Шаг – и открытие, миг...
Нет ничего полезнее
Жизни. Любой важен штрих.

Повод – опять надеяться
Жить набело. Намело!
Я приглашаю деревце
В дом свой, на праздник, в тепло.

ВРЕМЯ ПРАЗДНИКА

Телевизор занимается пиаром
Чудотворной киноленты «С лёгким паром».
Это значит: в двери рвётся Новый год.
На столе стоят весёлые бокалы

В ожидании хрустального вокала.
А над ними ангел ёлочный плывёт.

Время тронулось. Удерживать нет смысла.
За окном под снежной тяжестью повисла,
Как гирлянда, отшептавшей липы плеть.
Просит праздника. А мы не возражаем:
Мишурой её с балкона украшаем,
Чтобы ель не задирала носа впредь.

Новый год – всеобщий праздник. Мирозданье
Переходит на мерцанья и миганья.
Каждый каждого приветствовать горазд.
Мы – всего лишь собиратели мгновений,
Предвкушений и свершений, самомнений
С годовым кольцом ... на пальчик. В самый раз!

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ ДЕКАБРЯ

- Бон нью!... Гутен нахт!... Ну, привет!... Слышишь?...
Здрасьте!...
Телефон раскаляется. Все мыслят вслух.
И, как маятник, шарик на дереве счастья,
Покачнувшись, легко вовлекает в свой круг.
Отражая, он лица смешно искажает
(Дескать, каждому маска подходит вполне).
Уж такой это праздник! И елка большая
У тебя, у меня и в соседнем окне...
Созревая, на ветках плоды серебрятся
Между хрупких снежинок, огней, райских птиц...
Новый год, без пяти поцелуев – двенадцать!
И сладчайший момент перехода границ...

НОВЫЙ ГОД

Ну, вот и наступил он, Новый год.
Мы знали, потепления угрозы –
Для прочих, нас зима не обойдёт!
Белым-белы цветут на стёклах розы.

Не лавр, не манго под окном, а ель
Красуется, к её нарядным шишкам
Добавились шары и канитель,
Картонные лошадки, зайцы, мишки...

Стеклянная звезда блестит. Уже
Загаданы желания все вкупе.
Что климат?! Пусть теплеет на душе,
А манго с мандаринами мы купим.

Доедем до любых морей вполне,
Ведь нас не держат, что ни говорите...
Парил бы только ангел в вышине,
На облако похожий, наш хранитель.

* * *

Гроздья снега свисают с деревьев январского сада.
На сугробах следы, как наскальная живопись Пра...
Тишина и покой. Никакого в округе разлада.
И в душе – словно на коромысле несёшь два ведра.

Равновесие рук: левой, пахнувшей хвоей, ванилью,
То есть праздником, и – правой, будничной, с уймой забот.
Щедро маковки храмов осыпаны звёздной пылью.
Или это Господь свесил с неба шары в Новый Год?

РОЖДЕСТВО

Марине Гончаровой

Воздух пахнет стеарином,
Мандарином, звёздной ночью.
Всюду снежная перина,
Укрывающая почву.

Только сон – совсем не в теме,
Ибо праздник – самый-самый!
Свет отпугивает темень,
Озаряя нас, как храмы.

Все слова звучат иначе,
Чем вчера, - волшебней, что ли...
Рождество. Идёт раздача
Счастья – каждому по доле.

Как прививка от печали...
Никуда уже не деться!
Узнаёте? Как в начале.
А в начале было детство.

ВОСЬМОЕ МАРТА

Хоть сыплется ещё с небес холодных крупка,
И слово на губах, подобно льдинке, хрупко,
Но марта день восьмой есть первая зарубка
Весны. И голубь ждёт, что подлетит голубка.

Сейчас важней всего – не целованье! – вера
В грядущий день с его второй зарубкой, вербной.
И дерево стоит предчувствующей серной,
Способной опустить взрыв каждой клетки нервной.

А дальше семь шагов останется, заметьте,
До краешка поста и до зарубки третьей,
До солнечных лучей – спиц на велосипеде...
По шоколаду трасс мы от зимы уедем!

СВЯТОЙ ДЕНЬ ПАСХИ

Застывший мир на чёрно-белом снимке
Зимы размыт сегодня, ослеплён.
Христос воскрес! Христос воскрес, как клён,
Лещина, вяз в зеленоватой дымке.

Жизнь после жизни, после запятой,
Заметно набирает обороты.
Скворцы распределяются, как ноты,
По веткам, чтобы славить день святой.

Поют колокола, являя хор.
И ангелы поют на всю округу,
Что люди все не на чужих друг другу
Поделены – на братьев и сестёр.

Не веровать немислимо уже,
Божественное чувствуя начало –
Дар, совесть, благодарность, - что, пожалуй,
Есть Бога представительство в душе.

Его пригляд за каждым, голос, вес,
Способность в ком-то возникать иль гибнуть.
Всё от Него – раскаянье и гимны...
Христос воскрес! Воистину воскрес!

В ДЕНЬ МОЛОДЁЖИ

1. ХИППИ

Дело хиппи сейчас перешло к неформалам
И живет живых.
Узнаю дерзкий облик и привкус скандала
В новом выходе их.

Это движется время само автоСТОРОм,
Переходит на рэп.
Смотрит, как с пьедестала, став каменным снобом,
Некто – стар и нелеп.

Нестыковка с преемственностью поколений.
Миру это не вновь.
Но спасительны в нём, как всегда, удивленье,
Музыка и любовь.

Мчимся все мы вперёд по одной общей трассе,
Впечатленья копя
И кося взгляд на тех, у кого жизнь в запасе,
Кто лишь ищет себя.

2. МОЛОДЫМ

Годы летят тяжело, как шмели,
Дни – виртуозно, как осы.
Глянешь, волшебны сады зацвели,
А отвернёшься – уж осень.

И утешаешься чем-то простым,
Ясным, как сныть под забором:
Если завидовать, то молодым,
Если сочувствовать – хворым.

Точно, железно, с напевом цикад
Ходят часы на запястье.
Осознаёшь, обернувшись назад,
Молодость – высшее счастье.

Там одуванчик стоит золотым,
Там соловьиные ночи...
Если завидовать, то молодым,
Ну, а сочувствовать прочим.

Что ещё скажешь, жив духом святым,
В зиму входя с перламутром?
Если завидовать, то молодым –
Тем, что завидуют мудрым.

ДЕНЬ ПОЖАРНЫХ

Сергею Зеленову

Был день пожарных. Зайчики играли
На медных трубах оркестрантов старых.
Нас ослепляли звёздочки, медали,
Сто тысяч искр разбитой стеклотары.

Мы в такт качались, словно знали ноты.
Честь офицеры отдавали с шармом.
Так отмечался, кажется, трёхсотый,
Но с хвостиком хорошим, день пожарных.

Сжигались показательно машины,
Верней, останки ржавые, скелеты.
И через миг на радость всем тушились,
Чтоб чёрный дым не застил людям света.

Из жирной пены, бьющей из раструбов
(Как из морской – всегда рождалось что-то),

Казалось, выдували чьи-то губы
Цветные пузыри. Был день полёта.

Переливаясь мыльными боками,
Они кружились, и живую дрожью
Внушали охраняемым богами,
Что и они, увы, не вечны тоже.

Улыбками растягивая губы,
Мы проходили в этот день (пусть, вкратце)
И воду, и огонь, и даже трубы
(Да, медные!), чтоб дальше – не бояться.

ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА

.... Но праздник бесконечный вся эта жизнь
Сергей Николаев

Подумать только, вот ведь праздник,
Глядящий в средние века
И призывающий нас, разных,
К единству, как слова – строка.

Так призывают в ополчение,
Так надо Родине самой ...
Рукой махнувши на значенье,
Бредёт печальный дед с сумой.

Невесть из времени какого
И из каковской стороны ...
Губами шепчет Божье слово,
Что против века сатаны.

К живым не достучаться ... Дожил
До обращенья к Самому.

Тоску наводит: - Горесть, дождик,
Багаж, не тянувший суму ...

Чем лучше он других?! Обида
У всех одна – на жизнь. Трень-брень ...
Давно оскомина набита.
И дольше века длится день.

МАМИН ДЕНЬ

Никто нас не полюбит больше мамочки
И так не расстается, нет-нет!
Её портрет висит в нехитрой рамочке
Иконою, что источает свет.

Нет дня, пожалуй, более сердечного,
Чем с нею, в честь неё... Пусть слёзы жгут!
Она даёт представить меру вечного,
Открыв, что существует абсолют.

СНАЧАЛА ЦВЕТОЧКИ, ПОТОМ ЯГОДКИ

ЛАНДЫШИ

Владимиру

Ты чувствуешь, как ландышами пахнут
Былинки в снежной наледи?
Ещё февраль. Но не успеешь ахнуть,
Как он уж в нашей памяти.

Струится время по древесным кольцам,
Льёт в формы листья-вкладыши.
А под ногами каждым колокольцем
Звенят – ты слышишь? – ландыши.

НАРЦИССЫ

Нарциссы – упавшие с неба звёзды
С жёлтой, горящей, сердцевинкой внутри,
К утру от росы остывшие просто
И на стебли вставшие – на раз, два, три.

Только поэтому и не банальны,
Как прочие цветочки. Пахнут весной,
Первыми ливнями, музыкой бальной
(В школах-то намечен уже выпускной).

Весна – это, когда нет слова «поздно».
Мир ювенилин, щёголь, жмёт на педаль
И предлагает хватать ... да хоть звёзды! –
Можно и букетами, Богу не жаль.

ЦВЕТУЩИЕ ВИШНИ

Азе

Вечер. Фонарь сутулится.
Месяц висит над крышей.
Я прохожу по улице
Мимо цветущих вишен.

Вспархивают, как бабочки,
Их лепестки от ветра.
И расцветают лампочки
В окнах домов ответно.

Ангелов пред иконами
Я в этих вишнях вижу,
Май словами исконными
Переводя на вирши.

ВРЕМЯ СИРЕНИ

Адаму Ненштилю

Дымно-лилово
В окнах и выше,
Как от куренья.
Город мой снова
Крестиком вышит –
Время сирени.

Пахнет как, Боже! –
Даже в подъезде
И в кабинете...
Город встревожен,

И пятизвезде
Ищет в соцветье.

Жадно няряет
В белое с синим –
Весь с потрохами!
Май ускоряет
Сердце России,
Благоухает.

Напропалую,
Ангельски-шало,
Буйно-дикарски!
Счастье целую,
Что набежало,
В крестик болгарский.

КРАПИВА

Мне нравится цветущая крапива
Своим лилово-розовым вкраплением
В зелёный май. Смела, неприхотлива.
И рада целовать мои колени.

Ещё её не проклинаят люди.
Она в букет с кукушками годится
(Цветы такие, что встают на блюде
Во весь свой рост на маленькой водиче).

Сама гуляет по себе, как кошка,
По пустырям, оврагам, вдоль заборов...
И пахнет ненавязчиво, немножко,
Желая, видно, скрыть крутой свой норов.

Всё зная о её лечебной пользе,
Я дать могла б рецепт, назначить дозы...
Но для чего, когда в красивой позе
Она стоит у дома в роли розы?!

ВЕРНОСТЬ

Хороши пионы, скрывшие забор, -
Мокрые, лохматые, как тучи.
Но я говорю в упор им, как в укор:
- Георгины лучше.

Стыдно так глаголить, глядя на цветы,
Сравнивая... Разве я отрину?!
Да – ни лепестка, ни дюйма красоты!
Ну, а георгины...

Это – просто верность, возвращенье в сны,
Школа в первый раз, мотив старинный...
Осень вытекает прямо из весны,
Вот и - георгины.

ЦВЕТОК И БАБОЧКА

Чар колдовских сторонница -
Лилия, полная тайн.
На ночь цветок закроется.
Бабочка, вылетай!

Трепетная и вольная,
Ты ж не сопливый моллюск –

Спать под замком! Прикольная,
Я за тебя молюсь.

От нектара весёлого
Ты всё беспечней, глупей,
Прямо теряешь голову...
Бабочка, больше не пей!

И не вдыхай азийские
Запахи – сгинешь за так.
Вспомни, что мы, российские,
Волю берём в кулак.

Вот и другие бабочки
Опередить рвутся тьму.
Тоже - давай-ка к мамочке,
А на соблазны – тьфу!

ЛЕТО БАЛЕТА

Полине

Длинноногие одуванчики –
Явно девочки, а не мальчики.
Тот из нас абсолютно прав,
Кто зовёт их Полинами, Динами...
Чуть подрагивают лебедиными
Пачками между сочных трав.

А влюблённые в них кузнечики,
Подтянув к подбородкам плечики,
Извлекают из скрипок звук –
Столь торжественно, столь божественно!
Как же тут не станцуешь женственно,
Представляя театром луг?!

ЦВЕТОЧКИ

Как хорошо с вершины лета,
Допустим, прямо с сеновала,
Вам сообщать, что счастье – это,
Когда в запасе дней навалом.

Пуškai потом наступит осень,
Дожди над і расставят точки.
Но это ведь не значит вовсе,
Что отменяются цветочки.

И Вы придёте с астрой алой,
С тремя бордовыми, с лиловой...
И я спущусь к Вам с пьедестала,
Прельстясь букетом как обновой.

В России время незаметно
Свои меняет очертанья.
Цветочки. Середина лета.
А ягодки – извечно тайна!

АРБУЗ

Луна – что дыня вызревшая, плюс
И дыня, как луна, - насквозь медова.
Но я из ягод жалую арбуз,
И не желаю ничего иного.
С ним рядом меркнет виноград, кизил,
Крыжовник, вишня... и из них варенье.
Он требует, чтоб кто-то разделил
И трапезу со мной, и наслажденье.

ОСЕНЬ 2010 ГОДА

После летней аномальной жары,
Наломавшей, словно на зиму, дров,
Осень – в радость! Острый запах коры,
Спелых ягод горьковатая кровь.

Как комарики, мы тешим уста,
Апокалипсис пытаюсь забыть.
Холодок и влага. Брызги с куста.
Вот бы славно нанизать их на нить!

Манят ветви. Деревя – терема.
Всюду шелест. Жизнь – листанье страниц.
В небе птицы бредят югом. Чума!
Нам сегодня не понять странных птиц.

Невозможно оторваться от кров-
ных краёв своих, от лучшей поры.
Воздух пьётся как вино.
- За Покров! –
Первый тост. Другой: - За жизнь без жары!

СЛОВА ИЗ ПЕСНИ

(перевод с птичьего)

Между небом и землею птицы песенки поют.
Почему б их не послушать десять, девять ..., пять минут?
Если Вы не переводчик (а для нас это не труд!),
Прямо с птичьего на прочий Вам сейчас переведут:
«Будешь сладким – расклюют, будешь горьким – расплюют».
Замечательные птицы! Знают, знают, что поют!

ВЕНОК ВАЛЕРИЮ ПРОКОШИНУ

В ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Это было в мае, когда светило
Представляло тень кружевной резьбой.
Мы как раз, Мефодия и Кирилла
Вспоминая, парком шли. Мы с тобой.

Нас касалось это не между прочим
В праздник единения всех славян.
Письменных и мы накопили строчек
На тома стихов и один роман.

Более того, мы тут были в теме,
Слившись с костюмированной толпой.
- Слава двум святым, победившим темень! –
Говорили пафосно мы с тобой.

И казалось, что не тебе кукушка
Приговор читала в ту благодать.
Мы не математики, - простодушно
Думалось, - словесникам – влом считать.

Что самим пророчества нам по силе –
Знать не знали! Шли себе. Мы с тобой.
И качались тени, переводили
Свет, а он от неба был голубой.

ПОСЛЕДНИЙ МИГ

Не выкурив последней сигареты,
Закашлялся, зашёлся, обнаружив,
Что больше не отпущено на это
Ни времени, ни сил ему – о, ужас!

Как молния сверкнула пред глазами!
А доктор с кислородною подушкой
Ещё пытался спорить с небесами –
Не допустить смертельного удушья.

Вдох-выдох – для живого только просто,
Не для него, покинувшего тело
И с высоты в два человеческих роста
Глядящего на безуспешность дела.

Ещё курить хотелось по привычке.
Но за собой звала зима, куда-то
Навеки уходящая... Синичке
Под стать душа – вдруг сделалась крылатой.

Рванулась, полетела сквозь преграды,
Сквозь стены, перекрестье стылых веток...
И оглянулась (книгам верить надо)
На жизнь свою и нашу – напоследок.

ПРОЩАНИЕ

Наклоняюсь к тебе и целую в лоб,
Чтобы ты от прощания-ласки
Разморозился, ожил, покинул гроб...
Помнишь, как это в пушкинской сказке?

Но, увы, - параллельна реальность ей.
Тут – с иллюзиями расставанье.
Лишь надежда на Бога (так вот ты – чей!)
Не померкла, хотя и на грани...

БИЛО СОЛНЦЕ ФЕВРАЛЬСКОЕ ВСЛЕД...

Февраль расплатился по липовой смете
В присутствии близких, при ангельском свете,
С бумажной иконкой в торце
С двенадцати до половины второго...

В.Прокошин

1

Неужели так хочется жить, невзирая на...

В.Прокошин

С сосен снег осыпался сухой невесомой пылью.
Ты губу закусил, и твоё восковое лицо
Выражало решенье – не прыснуть от смеха, не сметь!
Хоть в твоём было б стиле – взять выдать за розыгрыш смерть.

Как никто ты умел посмеяться взахлёб, даже впрок,
Чтоб веселье смогло перекрыть и непрожитый срок.
Грех унынья тебя не коснулся, уныния враг!
Может, чувствуя что-то, ты так перебарывал страх.

Я не видела, чтобы однажды был сломлен твой дух.
Ни тяжёлой болезни, ни зелью, ни панике вдруг
Ты не дал торжества и не впал откровенно в мандраж,
Между смехом и плачем свой выход найдя в эпатаж.

2

Не жалеть эту жизнь,
Никогда не жалеть, не беречь...

В.Прокошин

Ты и впрямь не жалел эту жизнь, не держал, не берёг.
Но цепочка мгновений гналась за тобой как итог.
Ты в нетленные строки – в валюту – её перевёл,
Хоть и знал, как теперь обесценен в России глагол.

Но у вечности мерки свои, ей плевать на «теперь».
Ты уже убедился, наверно, открыв эту дверь.
А у нас – лишь сплошные догадки сквозь призму слезы,
Да идущие через рубеж полвторого* часы.

Это – время разлуки, прощанья, прощенья, пролог
Нашей памяти. Главную боль ты уже превозмог
И очистился ею, чтоб дальше равняться на свет.
Даже тут, на Земле, било солнце февральское вслед.

Ослепляло, искрило... Мы с грохотом мёрзлую твердь
Осыпали на гроб. Неужели одна только смерть
В жизни не приедается? Что за ужасный расклад,
Если самое лучшее – в прочерке между двух дат?!

*полвторого – тринадцать часов тридцать минут, время смерти
Валерия Прокошина

ДО ДЕВЯТОГО ДНЯ

До девятого дня можно дома инкогнито жить,
Между близких кружить, половицей не скрипнув.
То позволить себе телевизор, шутя, приглушить,
То порой кашлянуть прежним голосом хриплым.

И насытиться нервной отдачей, реакцией их,
Тая сущностью некой, как некогда сердцем.
Боже, как ты любил сотворять (русским свойственно) миф
С озорством беспощадным, с избыточным перцем!

Ты не прочь был бы вывести всех из себя, хохоча.
Ну, а вышел вдруг сам... Зеркала в чёрном крепе.
Только ты – не мастак осушать ливни в женских очах,
Сторожить их, когда нет ни тучки на небе.

НА СОРОКОВИНЫ МАСТЕРА

От Булгаковского центра
До Ермолинской могилы –
Сто четыре километра,
Может быть, сто пять от силы.

Два часа, и тут - Коровьев
(Ой, Коровин! Извините).
У могилы кот здоровый
Ходит по своей орбите.

Бегемот? Хотя вороны –
Траурней его по масти.
Он ещё в день похоронный
Догадался, кто есть Мастер.

Тот, который зрит с портрета
На свечи живое пламя...
Кот обходит нас – мол, это...-
Маргариты нет меж вами?

Я, Коровин, Переверзин,
Муж мой, Вера – все: - Однако!
Отодвинешься от песен,
За грудки возьмёт Булгаков!

ПО СТРОКЕ

...Расцветает купол мака на крови.

В.Прокошин

Опускаю на могилу ровно шесть горячих маков.
С неба сразу их заметишь и, наверное, поймёшь:

Мы с тобою переходим на язык посмертных знаков –
Неизбежных, как и правда; изощрённых, как и ложь.

Надо ж как-то нам общаться, однозначности противник,
Полнокровными цветами окликать былой сюжет,
Представляя, как густеет на закате солнце, evening
Обобщённое и глубже каждый делает предмет.

Постепенно переплавить в поэтический их образ,
Искусить заглавной ролью иль в концовку вбить, как клин,
Вдохновенно и азартно мы испробовали оба.
Убивающие роли ты испробовал один.

И среди плодов запретных, на которые ты падох,
Во все тяжкие пускался – не по жизни, по строке.
Думал, в рай всегда успею, мне пока туда не надо,
Подставляя капле яда русло вены на руке.

В пику правильной дороге ты примеривал зигзаги,
А к невинности бесценной подбирал последний грех.
Как ты мне теперь ответишь (лепесток загнёшь на маке?),
Был ты чьей-нибудь игрушкой... или так страдал за всех?

СОАВТОРЫ

Словно Вайнеры, Стругацкие, Гонкуры,
Мы пять книг с тобой сыграли в две руки.
И дуэт наш стал гвоздём литературы,
Ведь до нас вдвоём не делали стихи.

- Нам синхронно надиктовывал Создатель,
Точно так же, как и песни соловью.
А романы по-другому пишут, кстати, -
Объяснял ты в бесконечных интервью.

Но терзать нас продолжали журналисты.
Обыватель правды требовал в упор.
- Не рассказывай о нашей дружбе чистой, -
Ты просил, - пускай рождается фольклор.

Пусть считают: между женщиной с мужчиной
Обязательна любовь. А разве нет?
Только это и является причиной
Интереса к нашим рифмам столько лет.

Я плечами пожимала, мол, как хочешь, -
Сублимируй, со строкой отождестви...
Не надейся лишь, что к славе путь короче
Через яркую историю любви...

В свете вымыслов твоих бледнели факты,
Отступали, как противники в бою.
Жизнь до творчества поднять хотел ты. Так ты
Обмануть судьбу надеялся свою?

Заморочить, оторваться, сбить со следа...
И в сюжете, лихо скроенном, другим
Притворяться, ликовать и петь: - Победа! –
Запивая кислородом дорогим.

ПОСЛЕ ПАСХИ

После смерти, после снега, после Пасхи
На погосте, как и всюду, перетряски.
Три могилы провалились в талый слой.
И твоя с горой цветов, с венками – тоже,
Увлекая крест дубовый за собой,
Так осела, что открыла тайну ложа.

Может быть, тебе хотелось очень неба,
Хоть клочочек, хоть проталинку? Из sklepa –
Что увидишь?! Ну, песок, ну, глинозём...
Я поправила портрет твой, что нелепо
Вниз лицом упал, смахнула грязь. И всё.
На меня глядели с памятников слепо.

И от них я поспешила... В беспорядке –
Смысл мерещился. Страницы из тетрадки
Голубями налетали на кресты.
Из двух сосен вырисовывалась лира.
Я боялась, что окликнут вдруг: - Эльвира!
И надеялась, что это будешь ты.

ЕСЛИ БЫ

Тебя больше нет, дорогой мой друг,
Но если бы, если бы, если бы
Ты одолел свой смертельный недуг,
Мы летом с тобою поехали

Не в Сандакан, как хотелось тебе,
С задумками фотоколлекции,
Не в Сан-Франциско и не в Сантропе,
А в мир отражений Венеции.

Там превратились бы в сон голубой
Реальность и ветер неласковый.
И ты наконец-то стал бы собой
Под венецианскую маскую.

Что, главной роли сыграть бы не смог,
Собравшийся с духом и силою?!
Таким бы тебя узнал Господь Бог

И кающегося – помиловал.

ТЫ СКАЗАЛ БЫ...

Ближе к ночи (ты сказал бы: - Между волком и собакой...)
Я цитирую на память, сунув в сумочку очки,
Три твоих четверостишья. Сад шуршит листво-бумагой,
И гортят от любопытства под ногами светлячки.

Мне стихи щекочут губы. Мне глаза щекочут слёзы.
Ты сказал бы: - Не печалься. Новый уровень у нас
Отношений. Так бывает. Лунной скважиной белёсой –
А не чёрным ходом! – время утекло на этот раз.

Время – это (ты сказал бы: - Между Пушкиным и Бродским)
...Слаще моря и картины, даже слова с буквой ять...
И поёт на ветке птица тонким голосом сиротским –
Не Марина и не Анна. Имя можешь сам назвать.

Ты же помнишь, вот и ладно, всех собравшихся на тризне.
Я сидела не с тобою, ведь тебя на свете нет.
Но цитирую и верю: «Всё условно в этой жизни».
Потому что после жизни всё равно живёт поэт.

ПСЕВДОНИМ

О чём же ты думал при ... приближении смерти?
Я заикаюсь, вопрос задавая такой.
Ты ведь ОТТУДА мне молча откажешь в ответе...
И не отпавишь с okazji Стиксом-рекой...

Значит, надеяться надо на проникновенье
В прошлые мысли твои (через строчки, «ЖЖ»).

Предполагаю, ты действовал против забвенья,
Перышком жизнь запасную нащупав уже.

Под псевдонимом, отличную от настоящей,
Но и вполне узнаваемую через дар,
Тёмно-греховную... Может, чем ближе..., тем слаще
С холодом биться, бросаться в любовный пожар?

Ты затевал детектив, полагая, прямая
Жизнь твоя, тайны лишённая, вряд ли нужна
Нам, остающимся. Вот, мол, живите, ломая
Головы, веря-не веря, найдя письма!

Скукой смертельною пренебрегая, болезный,
Со сверхзадачей справлялся, налаживал связь
С будущим.

- Что, интересно?! – заигрывал с бездной.

- Да уж, - вздыхаю, разгадкою не обольстись.

ВМЕСТО ТОСКИ

Интересно, что там вместо тоски...

В.Прокошин

Интересно, говоришь? Под травой –
Слой за слоем, слой за слоем – слои...
И страшней всего, что ТАМ – ничего,
Лишь ветра свистят в ушах, соловьи.

И боюсь я, что совсем, ну, совсем
Не находится, на что поглазеть!
Лишь одна картинка – память: в росе
Незабудка, злой пустырь и клозет.

Вся трава растёт сквозь небо. Виски

Лечит корень ... или вроде того.
Ничего нет лучше русской тоски,
Ничего нет, ничего, ничего...

ЖИВАЯ ВОДА

Нельзя молчать чужим письмом в конверте!
Жизнь заставляет собирать по крохам
Воспоминанья, отбирать у смерти
Её добычу, спрятанную плохо.
Ведь способ, чтобы справиться с бедою
Отсутствия оплаканного нами,
Есть: воскрешать его живой водою
Слов, находить в себе, как мы глазами
Ещё вчера отыскивали просто.
Он не хотел приглаженным быть, ниже
Травы, тише воды – мечтой погоста.
Всё с вызовом твердил: - Да что я, рыжий?!

MEMENTO MORI

В ДУХОВНОМ БЕСПОКОЙСТВЕ

Каким-то утром – перелётным, алым, -
Когда спешат на службу, рынок, в храм,
Я чувствую, что веру ритуалом
Не подменю, прислушавшись к хорам.

- О чём, о чём вы, птицы-неулыбы?
- Зачем, зачем вам, листья, виражи?
Жаль, нет доктрин, религий, что могли бы
Заполнить до краёв сосуд души.

Пусть в стае легче преуспеть в геройстве,
Увериться, что страхи не трясут.
Наедине, в духовном беспокойстве,
Всяк всё равно себе – свой Страшный суд.

Я напрямую обращаюсь: - Отче,
Я не хочу посредников уже,
Чтоб вкрадчиво заглядывать им в очи
На, собственно, последнем этаже.

Мне некогда! Ловлю и прижимаю
Кленовый лист к груди. Господь, позволь!
Я, как сама умею, прижигаю
Свою неутихающую боль.

НАПЛАКАННЫЙ СОНЕТ

Мне не даёт давно уже покоя
Незыблемая тайна бытия.
Вот наша жизнь, вот смерть. Но что такое
Спешащая к развязке кровь моя?

Как я могу прельститься неземною
Легендою, где облако-ладья
Укачивает, и голубизною
Неспешно омываются края?

То - царство гжели? Но не глянуть вниз,
Поскольку нет таких особых линз,
Способных обеспечивать обзоры.

Зачем тогда внушается до слёз
Любовь к сей жизни с шелестом берёз
И к Родине, готовой сдвинуть шторы?

ОСЕНЬ ЖИЗНИ

Я ещё – в доме времени, и часы – на стене.
Вы желаете встретиться? Заходите ко мне.
По мобильному запросто сговоримся на шесть
Или семь... У живых, у нас, выбор всё-таки есть.

Загустеет на улице воздух до синевы.
В светло-бежевой курточке в нём проступите Вы.
Я мигну Вам оранжевым, явно ждущим, окном,
И подумаю: - Славно как в этом мире цветном!

В переменчивом, чувственном, ускользящем в ночь...
Но о смерти - не будем! Что - воду в ступе толочь?!

Осень жизни... Подумаешь! Сговоримся на пять,
И всего лишь попробуем времени не терять.

ПОВОД ДЛЯ РАЗГОВОРА

Попытка жизни. Попытка любви.
А вот – и попытка смерти,
Ничем не страшнее, поверьте.

Л.Филатова

Чем докажешь, что попытка смерти
Не страшней попыток наших прочих?
Вот твой пальчик ловко блюдце вертит
На столе, чтоб дух возник из ночи.

Спиритизм – желание ответа
От невозвращенцев с того света.

Мне они не пишут, не пугают
Откровеньями из-под землицы.
Неужель настолько ты – другая,
Что с тобою можно поделиться?!

Лишь попросишь, имя называя,
Глядь строка от мёртвого - живая!

Ты вникаешь в смысл витиеватый
(В толкованье – неприятны трюки),
Фосфорный огонь зеленоватый
С буквиц на твои стекает руки.

Я – в ознобе, я шепчу сквозь страх:
Ну и ладно, только бы не прах!

СОНЕТ ВОСКРЕСЕНИЯ

Когда я тихо принимаю ванну,
Я слышу разговоры за стеной
Моих родных, их действия... Мне странно,
Что жизнь не стала без меня иной.

Я словно репетирую... Как рано
Овладевает мысль больная мной!

И я ее пытаюсь ледяной
Перебивать струею из-под крана.

Напор есть жизнь, ее опора – звук.
На розовой горячей коже рук
Лохматая истаивает пена.

Сейчас приду! – кричу сквозь влажный фон,
Вдыхая тонкий запах цикламена,
Как будто бы весну в конце времен.

РАЗДИРАЮЩИЕ ВОПРОСЫ

У вечности нет ни конца, ни начала,
Ни точки отсчёта, ни места причала.
Зачем же надеемся в ней проявиться
Туманом души, перелётные птицы?

Поклонники трепета, смены мгновений
С потоком своих и чужих откровений...
И это богатство – куда-то на ветер?!
Во тьме непроглядной – нас встретят, не встретят?

Нужна для опоры хоть пара ответов.
Что знают о нас те, кого больше нету?
И сами – утешены ли небесами?
Закатное солнце крадётся лесами...

И мы этой тайне волнующей рады.
Она, если честно, красивее правды –
Безжалостной, голой, возможно, смертельной.
Мы выдержать можем лишь крестик нательный.

СТАРОСТЬ

Старость не поощряется, старым дамам не дарят цветов
Просто так (не к столетью),
Не посвящают стихов (так ведь, Кенжеев, Коровин, Цветков?)
В путаном Интернете.

И как же им жить, зная, что внешность не стоит больше трудов?
И – ничего не стоит...
Скажете, глубже копать? Ну да, уроки беря у кротов...
Прочее – всё пустое.

Но значится ль дамская мудрость, возвращённая натиском лет,
В вашем засушном списке?
Что? Если их отражений нет в зеркалах, то, может, их нет?
М-да, ушли по-английски...

ПРАВО НА ПОВТОРНУЮ ЖИЗНЬ

Повторно прожить не откажется тот,
Кто будет рассчитывать, что проживёт
С накопленным опытом лучше.
Но ... если с начала, с пелёнок, с азов –
Откуда же опыт? Он вновь невесом.
И счастье – всего только случай.

Что, неинтересно? Но это ведь – шанс,
Повторный сеанс, ренессанс, декаданс...
Хотя пресловутые грабли,
На кои придётся опять наступать,
Маячат как символ. Страдать так страдать,
А радость пить – снова по капле?

Но я, я... готова прожить ещё раз,
Как перечитать свой любимый рассказ,

Поплакать, где плачется, вволю.
Зато обрести тех, кто сгинул уже,
И крепко обнять на крутом вираже...
Вы не согласились бы, что ли?

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

Я не желаю в автокатастрофе
Погибнуть или рухнуть прямо с неба
На полуслове, не допив свой кофе
И оставляя тонкий ломтик хлеба.

Пусть это потрясающе как ярко
Для завершения творчества и БИО,
Для посвящений (только б не накаркать!),
Но лучше – тихо и неторопливо.

Перед окном, похожим на хрустальный,
Допустим, гроб (чего бояться слова?!),
Любуясь изощренной и детальной
Резьбой мороза, пусть даже и злого.

Когда за гранью ветвь прощально машет
Какой-нибудь внимательной березы.
А рядом тот, кого родней и краше
Не может быть, удерживает слезы.

Сентиментально в общем-то, но возраст
Тем характерен (кстати и событие).
Сказать бы напоследок: «Баба с возу...»
И улыбнуться: - Экое открытие!

Ну вот и все. А вместо некролога
Вполне могли б сгодиться строки эти,

Что я сама задолго-незадолго
Вдруг вывела на авиабилете.

МЕЖДУ ДВУХ ЗЕРКАЛ

Не замечали? – Жизнь помещается между двух зеркал.
Собственное отражение в глубь уходит куда-то –
Получается, «Я» - это тот, кто точно существовал,
А прошлое с будущим – в ниспадающих дубликатах.

Потому нам интересно и страшно вглядываться в свет
Ближний и дальний – перед собой и мерцающий сзади.
Между двух зеркал умещаются все – и те, кого нет,
И те, кто ещё придёт продолжения жизни ради.

Спасенье от одиночества в этом и заключено.
Перед нами всегда перспектива – зеркальные дали.
Такое предельно жизненное авторское кино.
На нём и гаданье основано. Не практиковали?

ЗОЛОТАЯ ПЫЛЬЦА

Я живу среди вас, только жизнью не той.
Предо мною церквушка в пыльце золотой.
Бьётся колокол-сердце. Вы слышите звон?
Это – сон или явь? Это – явь или сон?

Бродит дерево. Крона ли, корни вверху?
Март, октябрь или май – я сказать не могу.
Здесь у времени имени нет и лица.
Золотая пыльца, золотая пыльца...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПОЭЗИЯ – МОЙ СПОСОБ ВЫЖИТЬ.....	3
ЗАЦЕПКА.....	10
ВОСТОЧНЫЙ ГОРОСКОП	
ОБЕЗЬЯНА.....	11
ПЕТУХ.....	12
СОБАКА.....	13
СВИНЬЯ (КАБАН).....	14
МЫШЬ (КРЫСА).....	15
БЫК	16
ТИГР.....	17
ЗАЯЦ (КРОЛИК, КОТ).....	18
ДРАКОН.....	19
ЗМЕЯ.....	20
ЛОШАДЬ.....	21
ОВЦА (БАРАН).....	23
ЗАПАДНЫЙ ЗОДИАКАЛЬНЫЙ ГОРОСКОП	
СТРЕЛЕЦ.....	25
КОЗЕРОГ.....	26
ВОДОЛЕЙ.....	27
РЫБЫ.....	28
ОВЕН.....	29
ТЕЛЕЦ.....	29
БЛИЗНЕЦЫ.....	30
РАК.....	31
ЛЕВ.....	32
ДЕВА.....	33
ВЕСЫ.....	34
СКОРПИОН.....	35
ЛЮДИ «8» ДЕКАБРЯ.....	35

РУССКИЙ РЕБУС

ТОСКА ПО СОЛНЦУ	37
РОДИНЕ ГЕРОЕВ.....	37
«А мне запрещали с плохими детьми...».....	38
ДРУГАЯ МОСКВА.....	38
РУССКИЙ РЕБУС.....	40
ПО ПРАВУ КРОВИ.....	41
ЛИФТ.....	41
НАОТМАШЬ.....	42
Я ВАМ СКАЖУ.....	42
СТРАДАЛОВКА.....	43
РАЗМЫШЛЕНИЯ О КРОВАТИ.....	44
ТЕРРОР.....	45
СТАРЫЕ НОВОСТИ.....	46
ИЗ ВИРТУАЛЬНОГО.....	46
БЛАГОДАРНОСТЬ.....	47
СТАБИЛЬНОСТЬ.....	47

ИМЕНА И ВРЕМЕНА

ПО-ХРИСТИАНСКИ.....	48
ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО.....	48
О ПЕРЕВОДЧИКАХ.....	49
ПОСВЯЩЕНИЕ ЧАЙКОВСКОМУ.....	49
ПАМЯТИ Н.В ГОГОЛЯ.....	50
ПАМЯТИ Д. ХАРМСА.....	50
XX ВЕК. МУЗЕЙ АТЕИЗМА.....	52
ПАМЯТИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА.....	53
ЖАРКИМ ДНЁМ.....	54
«Анастасия Ивановна Цветаева...».....	54
Р У Б Ц О В.....	55
ВЫСОЦКИЙ.....	56
ПОЧЕМУ.....	57
КОСМОНАВТАМ.....	58

ИМЯ - МЕТА

ФЛАМЕНКО.....	59
ПАНИ МОНИКА.....	60
ВРЕМЯ СЕРИАЛОВ.....	60
ЛЮБОВЬ.....	61
ДВА ИМЕНИ.....	62
ГЕОГРАФИЯ ИМЕНИ.....	63
25 ЯНВАРЯ.....	64
СВЕТЛАНА.....	65

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЖЕНЩИНЫ

ПРОТИВ ПРЕЛЕСТИ ЗЕЛеноЙ.....	65
РАЗНИЦА.....	66
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЖЕНЩИНЫ.....	66
«Когда я снюсь Вам – Бог весть почему...».....	67
«Под горку, где мерцала прогретая река...».....	68
ВЕЗЕНЬЕ.....	68
«Что мы знаем о нем, будь он финн, египтянин...».....	69
ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА.....	70
ВОЗРАСТ ЖЕНЩИНЫ.....	71
МОДНАЯ ПЛАСТИКА.....	72
БАБЬЕ ЛЕТО.....	72
ПОЯСНЕНИЕ К СТАТИСТИКЕ.....	73
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЖЕНЫ.....	74

ОТ ЛЮБВИ ДО ...

«Не встречай меня, не мучай...».....	75
НЕ К ЛИЦУ.....	75
ЕЩЁ ОДНА ВЕСНА.....	76
ЛАСКОВЫЙ МАЙ.....	77
В НАСТОЯЩЕМ ВРЕМЕНИ.....	77
ЭХО ИНКВИЗИЦИИ.....	78
ПАЗЛ.....	78
ЧЕМ Я ЛУЧШЕ ДРУГИХ.....	79
ЧАСЫ И ВРЕМЯ.....	79
«Глядишь на юниц гипнотическим взглядом...».....	80

РУСАЛКА.....	80
В Е С Н А. R U.....	81
НОТА «СОЛЬ».....	82
POST FATUM.....	82
МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ.....	83
ВИЗАВИ.....	83

БОРОВСКИЕ СТРАДАНИЯ

«Хорошо б куда-нибудь уехать...».....	85
Г О Р О Д О К.....	86
«Пережила развод...».....	86
«АУ! – в лесу твои инициалы...».....	87
В ЛЕСУ.....	88
УЛИЦА ПЕРВОГО МАЯ.....	89
РУБАШКИ.....	90
ЖИТЬ В ПРОВИНЦИИ.....	91
«Я полюбила, как туристка, Боровск...».....	91
ПРЕОДОЛЕНИЕ.....	92
«Увязшие в снегу до узких талий...».....	93
«Ты тянешься ко мне чуть-чуть с лентой...».....	94
«Ты меня забываешь, хотя я ещё под рукою...».....	94
ВСЁ КРУЖИЛАСЬ ЛИСТВА.....	95
КРАЙ СВЕТА.....	96
«Интернет – не спасение от темноты...».....	96
ПРИБЛИЖЕНИЕ К КИТАЮ.....	97
БЕСПОЩАДНАЯ ФАНТАЗИЯ.....	98
ПОГРУЖЕНИЕ В СКАЗКУ.....	99
ТЕКИЖА.....	100

МОЙ ОБНИНСК

ГОСТЕВОЙ БРАК.....	101
ГОРОД – САД.....	101
МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЕ.....	102
ОДНОКЛАССНИКИ.RU.....	103
ЗАКОННЫЙ ДЯТЕЛ.....	104
ПОДСКАЗКА.....	105
БЛАГАЯ ВЕСТЬ.....	106

ПЕСНЯ О ДВОРЦЕ.....	107
МОЙ ОБНИНСК.....	107
«Бесплатно жить легко. Но где оно, бесплатно?».....	108
ВЫВОД.....	109
МЕСТО ДЕЙСТВИЯ.....	109
«Я родилась в бору... Но разве новость...».....	110
МОЕМУ ОКНУ.....	111

САМИ МЫ – НЕ МЕСТНЫЕ

ПО ДОРОГЕ НА ОЗЕРО РИЦА.....	112
Г О Р О Д - В И Д Е Н И Е.....	113
КОНДРОВО.....	113
ВОРОВАННАЯ МУЗЫКА.....	114
ТАРУСА.....	115
НА ТИЛИГУЛЬСКОМ ЛИМАНЕ.....	116
ОДЕССА.....	117
МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ.....	117
АССОЦИАЦИЯ.....	118
ПО СИНУСУ.....	118
БАЙКЕРСКОЕ.....	119
ДРУЖБА НАРОДОВ.....	120

БОНЖУР, ФРАНЦИЯ

ГОД ФРАНЦИИ В РОССИИ.....	121
НОСТАЛЬГИЯ.....	122
ЧУР МЕНЯ.....	122
ФРАНЦУЗЫ.....	123
ГДЕ МЫ?.....	124
ОПОРА.....	124
ГАРМОНИЯ.....	124

ПЕРСОНАЖИ

АКТЁР.....	126
ПЕРЕПРАВА.....	126
МОБИЛЬНАЯ СВЯЗЬ.....	127

ЭЛЛОЧКА-ЛЮДОЕДКА.....	127
П А Р А.....	128
МИСТЕР ИКС.....	129
ИЛИ?!.....	129
БИАТЛОНИСТАМ.....	130
РЭП.....	130
ПЕРСОНАЖИ.....	131
УТЕШЕНИЕ.....	132
О РЕИНКАРНАЦИИ.....	132

ИКОНОСТАС ПРАЗДНИКОВ

ЧИСТОВИК.....	133
ВРЕМЯ ПРАЗДНИКА.....	133
ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ ДЕКАБРЯ.....	134
НОВЫЙ ГОД.....	135
«Гроздь снега свисают с деревьев январского сада...».....	135
РОЖДЕСТВО.....	136
ВОСЬМОЕ МАРТА.....	136
СВЯТОЙ ДЕНЬ ПАСХИ.....	137
В ДЕНЬ МОЛОДЁЖИ.....	138
ДЕНЬ ПОЖАРНЫХ.....	139
ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА.....	140
МАМИН ДЕНЬ.....	141

СНАЧАЛА ЦВЕТОЧКИ, ПОТОМ ЯГОДКИ

ЛАНДЫШИ.....	142
НАРЦИССЫ.....	142
ЦВЕТУЩИЕ ВИШНИ.....	143
ВРЕМЯ СИРЕНИ.....	143
КРАПИВА.....	144
ВЕРНОСТЬ.....	145
ЦВЕТОК И БАБОЧКА.....	145
ЛЕТО БАЛЕТА.....	146
ЦВЕТОЧКИ.....	147
АРБУЗ.....	147

ОСЕНЬ 2010 ГОДА.....	148
СЛОВА ИЗ ПЕСНИ	148

ВЕНОК ВАЛЕРИЮ ПРОКОШИНУ

В ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.....	149
ПОСЛЕДНИЙ МИГ	149
ПРОЩАНИЕ.....	150
БИЛО СОЛНЦЕ ФЕВРАЛЬСКОЕ ВСЛЕД... ..	151
ДО ДЕВЯТОГО ДНЯ.....	152
НА СОРОКОВИНЫ МАСТЕРА.....	153
ПО СТРОКЕ.....	153
СОАВТОРЫ.....	154
ПОСЛЕ ПАСХИ.....	155
ЕСЛИ БЫ.....	156
ТЫ СКАЗАЛ БЫ... ..	157
ПСЕВДОНИМ.....	157
ВМЕСТО ТОСКИ.....	158
ЖИВАЯ ВОДА.....	159

МЕМОРТО MORI

В ДУХОВНОМ БЕСПОКОЙСТВЕ.....	160
НАПЛАКАННЫЙ СОНЕТ.....	160
ОСЕНЬ ЖИЗНИ.....	161
ПОВОД ДЛЯ РАЗГОВОРА.....	162
СОНЕТ ВОСКРЕСЕНИЯ.....	162
РАЗДИРАЮЩИЕ ВОПРОСЫ.....	163
СТАРОСТЬ.....	164
ПРАВО НА ПОВТОРНУЮ ЖИЗНЬ.....	164
ВМЕСТО НЕКРОЛОГА.....	165
МЕЖДУ ДВУХ ЗЕРКАЛ.....	166
ЗОЛОТАЯ ПЫЛЬЦА.....	166

Эльвира Частикова

РУССКИЙ РЕБУС

Публикуется в авторской редакции
Оформление художника Л. Штерн
Ответственный редактор И. Усова
Технический редактор С. Булаенко

Печать офсетная.
Бумага офсетная
Формат 60х90 1/16.
Усл. печ. л. 10.9
Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО "Оргтехпринт"
249030, г. Обнинск Калужской обл., ул. Кабицинская.
Тел. 915 891 48 68. Тел./факс: (48439) 3-77-03